

per Concordiam

Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы

■ ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО

Решая три ключевые задачи альянса

■ ПРИНЯТИЕ НОВОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Сложная повестка дня НАТО требует свежего мышления

■ ДОСТИЖЕНИЕ СОГЛАСОВАННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВОЛИ

Как остаться едиными перед лицом новых угроз

■ СНИЖЕНИЕ НАПРЯЖЕННОСТИ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

Необходим скоординированный подход

ПЛЮС

Обеспечение стабильности полицейскими методами может принести пользу альянсу и общественности

Почему сотрудничество между НАТО и ЕС имеет жизненно важное значение для европейской безопасности

Долгосрочные намерения Китая: что они означают для Европы

НАТО 2030

Стратегия для новой эры

основные статьи

10

7 Навстречу будущим вызовам

Д-р Пал Дуней и **Д-р Мэттью Родс**, профессора в Центре им. Маршалла

НАТО составляет планы до 2030 г. и на дальнейшую перспективу

10 Атлантический альянс

Ян Хавранек, заместитель министра оборонной политики и стратегии, Чешская Республика

На пути к новой стратегической концепции

16

16 Партнерство НАТО-ЕС

Генерал-полковник Ханс-Вернер Вьерманн, немецкого Бундесвера, генеральный директор Международного военного штаба НАТО

Сотрудничество необходимо для европейской и международной безопасности

22 Отношения между Германией, Соединенными Штатами и НАТО

Д-р Ральф Ролофф и **Д-р Мэттью Родс**, профессора в Центра им. Маршалла

Перспективы после выборов в Германии

28 НАТО на Севере

Снорри Маттиассон, сотрудник дипломатической службы Исландии и политический советник Объединенного оперативного командования НАТО в Норфолке

Принятие сбалансированного подхода

34 Обеспечение стабильности полицейскими мерами

Полковник Джузеппе Де Маджистрис, директор, и **Стефано Бергонзини**, секретарь – референт, Центр мастерства НАТО по обеспечению стабильности полицейскими мерами

НАТО упускает возможность?

42 Европейская стратегия Китая в 2035 г.

Д-р Сари Архо Хаврен, сотрудник отдела европейско-китайских отношений Института исследований Китая им. Меркатора (MERICS) и приглашенный исследователь в Университете Хельсинки

Прогнозирование возможного будущего

52 Возвращение Корпуса победы

Интервью с генерал-полковником Джоном Колашески

22

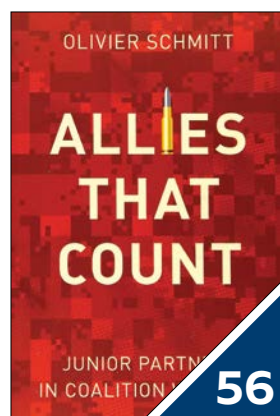
разделы

В каждом номере

- 4** ПИСЬМО ДИРЕКТОРА
- 5** АВТОРЫ
- 7** ТОЧКА ЗРЕНИЯ
- 56** РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
- 58** ОПИСАНИЕ КУРСОВ

Рецензия на книгу

**Полезные союзники:
младшие партнеры в
коалиционной войне**

Автор: **Оливер Шмитт**

Рецензент: **Патрик Сван**,
обозреватель журнала
«per Concordiam»

Младшие партнеры могут принести нематериальные выгоды операциях коалиции, а в некоторых случаях и конкретные политические преимущества. Но они должны показать, каким образом их участие поможет коалиции в успешном выполнении операции.

На обложке:

Члены НАТО должны сохранять
единство для защиты от новых
зарождающихся угроз.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ «PER CONCORDIAM»

Следите за нами на Фейсбук и Твиттер

Фейсбук: @PerConcordiam
Твиттер: @Per_Concordiam

GEORGE C. MARSHALL
EUROPEAN CENTER FOR SECURITY STUDIES

Представляем вашему вниманию 46-й выпуск журнала «per Concordiam». Спустя более 70 лет после своего основания альянс прикладывает максимум усилий для адаптации к меняющейся обстановке безопасности. В 2022 г. НАТО приняла новую Стратегическую концепцию, определившую приоритеты альянса на следующее десятилетие. Последний такой документ был одобрен в ноябре 2010 г. и выдержал испытание временем. В нем было отражено тщательно выверенное соотношение между коллективной обороной, управлением кризисными ситуациями и коллективной безопасностью. Следует отметить, что документ не потребовал никакого пересмотра, несмотря на аннексию Крыма Россией и агрессию России в Украине, глобальную войну с терроризмом и появляющееся стратегическое соперничество. Однако теперь пришло время для альянса пересмотреть его официальные руководящие указания на многих уровнях.

В статьях в этом выпуске содержатся обзоры наиболее важных проблем в повестке дня НАТО. Большинство представленных здесь авторов знают работу НАТО изнутри, проработав в этой организации на многих должностях на различных этапах своей профессиональной деятельности. Заместитель министра обороны Чехии Ян Хавранек пишет о многочисленных проблемах, с которыми сталкивается НАТО, сосредоточив внимание на конкуренции великих держав, включая операции за пределами ее географического района после выхода из Афганистана, отношения между альянсом и Европейским союзом, энергетическую безопасность и изменения окружающей среды. Бывший генеральный директор Международного военного штаба НАТО генерал-полковник в отставке Ханс-Вернер Виерманн дает широкий анализ отношений между НАТО и ЕС, прежде чем перейти к сложным моментам сотрудничества между двумя институтами, относящимся к вопросам военной мобильности.

Профессора в Центре им. Маршалла д-р Мэтью Родс и д-р Ральф Ролофф обмениваются мнениями относительно подходов США и Германии к НАТО. Дипломат из Исландии Снорри Маттиассон, прикомандированный к Командованию НАТО по трансформации, рассматривает важность Крайнего Севера в этом контексте. Двое коллег из Италии, полковник Джузеппе Де Маджистрис и прапорщик Стефано Бергонзини знакомят читателей со сферой деятельности, за которой пристально следят лишь немногие – обеспечение стабильности полицейскими мерами – и задаются вопросом, не упускает ли НАТО предоставившуюся возможность. Д-р Сари Архо Хаврен, сотрудник Института исследований Китая им. Меркатора, исследует стратегию Китая в отношении Европы в следующем десятилетии.

Я рекомендую вашему вниманию этот выпуск, опубликованный в то время, когда мы готовимся к следующему этапу в эволюции альянса. Новая Стратегическая концепция НАТО и последующие за ней документы могут служить нам путеводителем в 2020-х и начале 2030-х гг. Как всегда, Центр им. Маршалла приветствует ваши комментарии. Пожалуйста, связывайтесь с нами по электронной почте editor@perconcordiam.org

Искренне ваш,

Берри Сегуин
Директор

Берри Сегуин

*Директор
Европейского центра
по изучению вопросов
безопасности и.м. Дж. К.
Маршалла*

Берри Сегуин ушел в отставку из ВВС США в звании генерал-лейтенанта в октябре 2020 г. после более чем 31 года действительной службы. Его последняя должность – заместитель начальника штаба, отдел стратегических кадров, Верховное главнокомандование Объединенных вооруженных сил в Европе в Бельгии. Он поступил на действительную службу в 1989 г. как закончивший с отличием выпускник Учебного корпуса офицеров резерва после окончания Государственного университета Нью-Йорка в г. Потсдам, штат Нью-Йорк. Он служил на таких летных должностях как инспектор, пилот-инструктор, главный офицер эскадрильи по вопросам безопасности и операций, а также занимал командные должности на уровне авиаотряда, авиагруппы, эскадрильи и Воздушно-космической экспедиционной рабочей группы. Он занимал следующие командно-штабные должности: командующий 9-й Воздушно-космической экспедиционной рабочей группой в Афганистане и воздушным командованием НАТО в Кабуле, Афганистан; начальник отдела стратегии, сотрудничества и программ Африканского командования в г. Штутгарт, Германия; командующий 31-й эскадрильей истребителей на базе ВВС Авиано в Италии; и генеральный инспектор штаба боевого воздушного командования.

Прапорщик Стефано Бергонзини – эксперт по конкретной проблематике в Центре мастерства НАТО по обеспечению стабильности полицейскими мерами в г. Виченца, Италия. Он вступил в итальянскую Службу карабинеров в 1990 г. и служил в должностях заместителя командующего и командующего региональных участков карабинеров. На протяжении своей военной карьеры он девять раз принимал участие в миссиях НАТО.

Полковник Джузеппе Де Маджистрис – директор Центра мастерства НАТО по обеспечению стабильности полицейскими мерами. За время своей 30-летней службы в составе итальянских карабинеров он занимал многочисленные командные должности. Он принимал участие в миссиях в Косово, Боснии и Герцеговине, Ираке, Афганистане, Гаити, а также в Верховном штабе союзных войск НАТО в Европе и в штабе Управления полиции ООН в качестве приглашенного эксперта по вопросам борьбы с организованной преступностью.

Д-р Пал Дуней – профессор в Центре им. Маршалла, специализирующийся на вопросах европейской безопасности и НАТО, и академический консультант следующих программ Центра: «Прикладные исследования вопросов безопасности», «Семинар по вопросам восточно-европейской безопасности», «Краткий курс для старших руководителей» и «Семинар по региональной безопасности». До этого он был директором Академии Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе с 2014 г. по 2016 г. и директором Международного обучающего курса по политике безопасности в Центре политики безопасности в женеvском Центре политики безопасности в периоды 1996-2004 гг. и 2007-2014 гг.

Ян Хавранек – заместитель министра обороны Чешской Республики, отвечающий за вопросы политики и стратегии. Он также советник в Группе планирования политики в канцелярии генерального секретаря НАТО в Брюсселе, а ранее служил в качестве главы оборонной секции Постоянного представительства Чешской Республики в НАТО в Брюсселе.

Д-р Сари Архо Хаврен – сотрудница отдела европейско-китайских отношений Института исследований Китая им. Меркатора в Берлине и приглашенный исследователь в Университете Хельсинки. Она сертифицированный футуролог и консультант по вопросам стратегии и прогнозирования в посольстве Финляндии в Брюсселе, где она руководит стратегическим прогнозированием роли Финляндии в Европе, будучи членом организации Business Finland. У нее есть степень доктора наук от Университета Хельсинки по тематике общей истории и международных отношений.

Генерал-полковник Джон Колашески – командующий V Корпусом Сухопутных сил США в Форт-Ноксе, в штате Кентукки, США. Он служил на должностях командующего генерала 1-й пехотной дивизии в Форт-Райли, штат Канзас, США; заместителя начальника штаба Стратегических коммуникаций Сил НАТО по поддержке международной безопасности; и заместителя начальника штаба Стратегических коммуникаций миссии НАТО «Решительная поддержка» в Кабуле, Афганистан.

Снорри Маттиассон – сотрудник дипломатической службы Исландии, освобожденный от национальных обязанностей на время работы в качестве советника по политическим вопросам в командовании Объединенной оперативной группы НАТО в Норфолке.

Д-р Мэтью Родс – заведующий отделом региональных исследований и директор семинара «Немецко-американская региональная безопасность» в Центре им. Маршалла. Его основные научные интересы включают внешнюю политику США, трансатлантические отношения и динамику безопасности в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Д-р Ральф Ролофф – заместитель декана по программам очной формы обучения и директор магистерской программы «Проблемы международных отношений» в Центре им. Маршалла. Он также доцент в Университете Бундесвера в Мюнхене. Его профессиональный интерес сосредоточен на тематике европейской интеграции, европейской политики безопасности и трансатлантических отношений.

Генерал-полковник Ханс-Вернер Виерманн – бывший генеральный директор Международного военного штаба НАТО. Он вступил в Бундесвер в 1976 г. для получения звания офицера со специальностью инженер-электрик/инженер-механик сухопутных войск Германии, а в 2015 г. стал военным представителем Германии в НАТО и в Европейском союзе. Он проходил обучение в Университете Бундесвера в Гамбурге, в Командно-штабном училище Бундесвера в Гамбурге и в британском Армейско-штабном училище в г. Кемберли, Англия.

НАТО

Том 12, № 2, 2022

Пишущие редакторы

Д-р Пал Дуней

Д-р Мэтью Родс

*Европейский центр
по изучению вопросов
безопасности им.
Дж. К. Маршалла:*

Руководство

Берри Сегуин
Директор

Тим Макатир

Заместитель директора (США)

Гельмут Доцлер

Заместитель директора (Германия)

Центр им. Маршалла

Европейский Центр по исследованию вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла – это совместный немецко-американский центр, основанный в 1993 г. Задачей центра является поддержка диалога и понимания между европейскими, евразийскими, североамериканскими и другими государствами. Тематика его очных курсов обучения и информационно-разъяснительных мероприятий: большинство проблем безопасности в 21 веке требуют международного, межведомственного и междисциплинарного подхода и сотрудничества.

Контактная информация:

«per Concordiam» editors
Marshall Center
Gernackerstrasse 2
82467 Garmisch-Partenkirchen
Germany
editor@perconcordiam.org

«per Concordiam» является профессиональным журналом, публикуемым ежеквартально Европейским командованием США и Европейским центром по изучению вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла, посвященный вопросам обороны и безопасности в Европе и Евразии для учёных и экспертов, занимающихся проблемами обороны и безопасности. Высказанные в журнале взгляды не обязательно отражают политику или точку зрения этих организаций или других государственных ведомств Германии и США. Мнения, высказанные авторами статей, принадлежат исключительно этим авторам. Министр обороны принял решение о том, что публикация этого журнала необходима для поддержания связей общественности, как того требует от Министерства обороны США действующее законодательство.

ДВОЙНОЙ ОБЪЕМ ОНЛАЙН

1) Читайте новые и старые выпуски «per Concordiam»:

<https://perconcordiam.com>

Отправляйте статьи, отзывы и запросы на подписку в
Центр и.м. Маршалла по адресу: editor@perconcordiam.org

2) Еженедельно получайте самые свежие новости о
глобальной безопасности:

transnational
weekly
<https://www.marshallcenter.org>

НАВСТРЕЧУ БУДУЩИМ ВЫЗОВАМ

НАТО составляет планы до 2030 г. и на дальнейшую перспективу

Д-р Пал Дуней и Д-р Мэттью Родс, профессора в Центра им. Маршалла

НАТО часто называют наиболее успешным альянсом в истории. Это проявляется в нерушимой сплоченности альянса и уверенности его членов в том, что этот блок повышает их безопасность. Тот факт, что с 1949 г., когда 12 стран подписали Вашингтонский договор, прошло 70 лет, говорит сам за себя. Что, возможно, еще более важно, так это то, что альянс за все это время ни разу не прибег к коллективной обороне в межгосударственных конфликтах; действия в соответствии со Статьей 5 были предприняты только однажды, сразу же после террористических нападений на США 11 сентября 2001 г. Наверное, это и есть наилучшее свидетельство того, что сдерживание действительно работает, даже на пике холодной войны. Ядерное оружие стало компонентом этого эффекта сдерживания, обеспечив гарантии безопасности членам НАТО, и, скорее всего, внесло большой вклад в существование периода «длительного мира», как это назвал историк Джон Льюис Геддис.

Исторический успех НАТО связан с его способностью адаптироваться к меняющейся ситуации и находить свою роль в системе международной безопасности в соответствии с нуждами своих членов. После того, как 40 лет холодной войны ушли в историческое прошлое, мы склонны считать тот период временем «простой» конфронтации между западной демократией и коммунистической диктатурой. Тем не менее, та эра требовала от западного альянса отраженных в различных доктринах определенных ответных мер, таких как гибкое реагирование, которое пережило холодную войну. Необходимость в коллективной обороне была и остается предельно ясной. Окончание холодной войны привело к неопределенности относительно того, что же теперь считать основными угрозами альянсу. Вместе с этим, необходимость альянса редко ставилась под сомнение. Он оставался ведущим форумом для политической координации на Западе, даже если эта координация иногда и ослабевала. То десятилетие неопределенности резко закончилось террористическими нападениями 9 сентября. НАТО опять утвердилось в качестве основного места принятия решений, введя в действие Статью 5, когда стало ясно, что борьба с терроризмом превратилась в наиболее важную задачу в плане безопасности. В такой ситуации НАТО должна была найти баланс между

новыми и старыми угрозами безопасности.

Именно Стратегическая концепция НАТО 2010 г. закрепила такой баланс между основанными на Статье 5 гарантиями безопасности и глобальной войной против терроризма, а также между принятыми позициями в отношении более глобальной и региональной безопасности. Это было очень благоприятное сочетание, поскольку оно способствовало способности Стратегической концепции сохранять обе позиции в самый разгар войны с терроризмом, а также тогда, когда эта война уступила место быстро формирующейся (или как охарактеризовал ее генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг, «сформировавшейся») угрозы агрессивного российского реваншизма в 2014 г.

В ноябре 2020 г. НАТО начала подготовку к грядущим перспективам с публикации «НАТО 2030: единство для новой эры». Это своего рода подготовка к переходу к новой Стратегической концепции, которая станет руководящей для НАТО на следующее десятилетие. Аналогичный процесс предшествовал принятию Стратегической концепции в 2010 г., когда подготовительную работу провела группа экспертов под руководством бывшего госсекретаря Мадлен Олбрайт. Стратегическая концепция посылает сигналы многочисленным аудиториям относительно позиции альянса. Именно это делает задачу выработки проекта такой концепции крайне деликатным. Такой документ должен убедительно продемонстрировать решимость НАТО, поддержанную общей волей ее 30 членов, при этом не завышая свои возможности, но и не уменьшая силу своего послания. Первое обстоятельство может привести к эскалации напряженности со стороны самопровозглашенных противников НАТО, в то время как последнее может быть воспринято как нерешительность. Исходящие от НАТО сигналы должны также служить ориентирами для стран-членов этой организации и ее институтов, которые будут использовать их как основу для разработки дополнительных документов, носящих как открытый, так и закрытый характер.

Единственно самым главным вопросом в повестке дня НАТО на следующее десятилетие является отношения между коллективной обороной, коллективной безопасностью и управлением кризисными ситуациями, которые представляют собой три ключевые задачи альянса.

Поскольку у стран-членов НАТО есть понимание того, что существуют государства, в первую очередь, Россия, представляющие угрозу альянсу, то сильно искушение основной упор сделать именно на аспект коллективной обороны. Более того, это может вернуть НАТО к своим истокам, когда нужно было отвечать на вызовы безопасности, связанные с межгосударственными конфликтами. Стратегическая концепция 2022 г. некоторым образом изменила терминологию концепции 2010 г. и определяет ключевые задачи как «сдерживание и оборона; предотвращение кризисных ситуаций и их урегулирование; и коллективная безопасность». Это создает естественную цепочку действий, когда необходимо будет задействовать коллективную оборону и управление кризисами в том случае, когда, соответственно, сдерживание и предотвращение этих кризисов потерпят неудачу. При этом основы ключевых задач НАТО остались в целом неизменными.

Согласно общему мнению, Москва представляет военную и, возможно, гибридную угрозу, но представляет гораздо меньше проблем в невоенных аспектах. Со стороны России будет большой ошибкой бросать прямой вызов кому-то из членов НАТО или проверять решимость и сплоченность альянса. Поэтому Москва работает над созданием двусмысленных ситуаций, из которых для ее оппонентов не будет благоприятного выхода, а также над подходом, который будет хорошо сочетаться с прошлой службой в разведке многих нынешних российских руководителей. Драматические события в Украине и в Грузии показывают, что Кремль стремится отобрать у других государств право проводить независимую внешнюю политику, особенно в отношении вопроса о присоединении к НАТО. Конечно же, статус стран-членов НАТО отличается от статуса стран-партнеров, особенно в том, что касается применения Статьи 5. В случае фундаментальных изменений в российской политике НАТО должна будет реагировать на угрозы со стороны России и на создаваемые ею трудности. Вместо того, чтобы бросать прямой вызов членам НАТО, Россия, возможно, будет стремиться наказать страны-партнеры, не защищенные зонтиком коллективной обороны, предусмотренным Статьей 5. Более того, провоцируя враждебность в отношении таких стран как Грузия и Украина, территориальная целостность которых под вопросом из-за российской оккупации и фактического или юридического контроля над частью их территорий, Россия подрывает готовность некоторых членов НАТО согласиться на присоединение Грузии или Украины к альянсу и, соответственно, создает нестабильную ситуацию в аспекте коллективной безопасности.

В конечном итоге, 24 февраля 2022 г. Россия пошла на радикальную эскалацию своей агрессивной войны против Украины. Ее целью было еще больше разрушить территориальную целостность и политическую независимость Украины путем оккупации территории страны и насаждения пророссийского марионеточного правительства. Оба эти намерения России являются грубейшими

нарушениями основ международной системы, включая базовые принципы Устава ООН. К удивлению многих, Россия оказалась не в состоянии осуществить эти намерения. Тем не менее, возобновленная полномасштабная война в Европе, выходящая к границам нескольких государств-членов НАТО, вмешалась в процесс составления окончательного варианта Стратегической концепции, которая должна была отражать обстоятельства, при которых она была принята, а также оставаться актуальной еще, как минимум, одно десятилетие. Стратегическая концепция 2022 г. как раз и отражала эти обстоятельства, недвусмысленно указывая, что «Российская Федерация является наиболее существенной и непосредственной угрозой безопасности альянса, а также миру и стабильности в евроатлантическом регионе», подчеркивая при этом также, что «НАТО не стремится к конфронтации и не представляет никакой угрозы для Российской Федерации». Решительность, координация действий, единство и адекватный ответ являются основами окрепшего подхода союзников к России, что исторически напоминает прежнюю концепцию «гибкого ответа».

По различным причинам труднее четко определить позицию альянса в отношении Китая, который только недавно появился в повестке дня НАТО. У альянса немного опыта взаимодействия с Китаем – соперником. Кроме того, Китай находится за пределами географического района применения Статьи 5 Вашингтонского договора. Однако, в настоящее время невозможно игнорировать присутствие Китая в международной политике и в сфере безопасности. И здесь мы подходим к важному основополагающему вопросу: рассматривать ли Китай как угрозу безопасности или же как долгосрочный, серьезный и сложный вызов, имеющий аспекты безопасности? Совершенно очевидно, что для США, мировой державы, Китай представляет угрозу безопасности. Это вызвано поведением Пекина в азиатско-тихоокеанском регионе и в некоторой степени в Индийском океане. С другой стороны, США и крупные европейские державы мыслят стратегически и глобальными категориями и готовы действовать за пределами европейского континента, в то время как большинство малых и средних стран-членов НАТО имеют более региональный подход или же сосредоточены исключительно на угрозах собственной безопасности, исходящих от России. Новая Стратегическая концепция сохраняет терминологию, использованную на саммите НАТО в 2021 г., продолжая рассматривать Китай в качестве «вызова» (а не «угрозы») «интересам, безопасности и ценностям» НАТО. С такой формулировкой альянс сохраняет гибкость своего потенциального ответа Китаю, который будет зависеть как от дальнейшего развития китайско-евроатлантических отношений, так и от того консенсуса, которого удастся достичь странам-членам альянса.

Как Россия, так и Китай бросают вызов в ядерной сфере. Они модернизируют – а в случае с Китаем еще и

наращивают – свои ядерные арсеналы. Москва сопровождает это угрозами и отрицанием эффективности усилий Запада по созданию противоракетной обороны. Она утверждает, что оборонные средства не в состоянии противостоять ее ядерному потенциалу. Все чаще Россия мыслит категориями симметричного ответа на военные шаги со стороны Запада. Однако, это может быть не в ее интересах, учитывая имеющиеся у нее гораздо меньшие ресурсы. (Валовый внутренний продукт США в номинальном исчислении в 12 раз больше российского, а суммарный ВВП всех стран НАТО больше в 20 раз.) Альянс заинтересован в деэскалации напряженности с Россией в ядерной сфере и к возвращению со временем к контролю за стратегическими вооружениями, хотя нынешние условия для этого и неблагоприятны. Об этом четко сказано в докладе «НАТО 2030».

После требований США к союзникам больше тратить на собственную оборону и, таким образом, более эффективно содействовать коллективным усилиям НАТО, ассигнования на оборону возросли у всех членов альянса. Если в начале 2010-х гг. всего лишь только три страны тратили более 2% своего ВВП на оборону, то сегодня этого стандарта придерживаются девять стран, что было согласовано на саммите в Уэльсе в 2014 г. Семнадцать стран также отвечают требованиям тратить более 20% своего военного бюджета на оборонные закупки и модернизацию основных систем вооружений. Совершенно очевидно, что НАТО стал более серьезно относиться к своему оборонному потенциалу, поскольку в период с 2014 г. по 2021 г. 29 из 30 стран повысили в своих ВВП процент затрат на оборону. Учитывая достойное сожаления повышение уровня враждебности со стороны России, эту тенденцию необходимо сохранить.

В числе долгосрочных успехов НАТО можно назвать расширение его членства. С момента окончания холодной войны 14 государств – почти половина общего числа членов – присоединились к НАТО, поскольку они считали, что это предоставит им более надежные гарантии безопасности. Большинство из них модернизировали свою оборону и участвовали в зарубежных размещениях международных сил альянса и в других совместных проектах. Соответственно, в официальных документах НАТО повторяется приверженность политике «открытых дверей», и никаких изменений в этом аспекте не ожидается. Тем не менее, имеются возражения относительно расширения членства, как внутри альянса, так и за его пределами. Особенно громко возражает Россия и угрожает обострить ситуацию с безопасностью, если будут приниматься новые члены, в частности, из числа бывших советских республик. Агрессивная война России в Украине побудила Финляндию и Швецию – посчитавших, что членство в НАТО защитит их безопасность более эффективно, чем внеблоковый статус – подать заявку на вступление, что удвоит количество членов блока по сравнению с 16 государствами

на момент окончания холодной войны. По состоянию на октябрь 2022 г., 28 стран-членов НАТО ратифицировали протокол о присоединении к альянсу Финляндии и Швеции. Теперь, как отметил генеральный секретарь Йенс Столтенберг, Россия будет иметь дело с расширенной НАТО, а не с сокращенной.

В декабре 2021 г. Министерство иностранных дел России по указанию президента Владимира Путина в проекте договора о гарантиях безопасности между Россией и США и в проекте соглашения между Россией и НАТО назвало ряд т.н. «красных линий». Эти документы напоминали ультиматумы, поскольку они требовали от НАТО «не размещать вооруженные силы и вооружения на территории любого государства», которого не было в составе НАТО по состоянию на 27 мая 1997 г. (день, когда был подписан основополагающий акт НАТО-Россия). Практически это бы разделило членов НАТО на две категории, и некоторые наиболее уязвимые к российским угрозам страны были бы лишены права размещать на своей территории военное подкрепление из других стран-членов альянса. Российские предложения также исключали «любое дальнейшее расширение НАТО, включая принятие Украины и других государств». Принятие этих требований означало бы окончание натовской политики «открытых дверей». Понятно, что последовавшие за этим лихорадочные дипломатические обмены не привели к согласию по этим двум вопросам, которые для России, совершенно очевидно, были чрезвычайно важны.

Хотя Стратегическая концепция в основном сосредоточена на сдерживании и обороне от угроз и вызовов со стороны государственных субъектов, в ней указывается также и на другие угрозы. Терроризм называется «самой непосредственной асимметричной угрозой безопасности наших граждан, а также международному миру и процветанию». Сейчас, когда некоторые члены альянса осуждают террористические нападения (например, Бельгия и Франция), а другие (например, Турция) напрямую обеспокоены этим явлением, очень важно, чтобы борьбу с терроризмом не отодвинули на второй план сиюминутные тревоги, вызовы и угрозы.

Наконец, большее внимание аспекту жизнестойкости может помочь альянсу и его членам найти оптимальное соотношение между тремя принципами – сдерживанием и обороной, предотвращением кризисных ситуаций и их урегулированием и коллективной безопасностью. Нынешние вызовы и потребности нескольких государств-членов будут заставлять НАТО какое-то время и дальше уделять основное внимание аспекту коллективной безопасности. Тем не менее, будущие вызовы безопасности, или как бывший министр обороны США Дональд Рамсфелд назвал их «известные неизвестные» и «неизвестные неизвестные», будут сохранять важность коллективной безопасности и управления кризисами, поскольку уровень опасности в мире не стал меньшим. □

АТЛАНТИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС

*На пути к новой
стратегической концепции*

Для НАТО принятие новой Стратегической концепции является вполне закономерным шагом. За последние 10 лет альянс, как и глобальная обстановка безопасности, коренным образом изменились. Мир стал менее предсказуемым и все сложнее управляемым, так что евроатлантические партнеры должны приспособиться к этому. Именно поэтому на саммите НАТО в июне 2021 г. союзники договорились о разработке новой Стратегической концепции, которая станет мощным посылом трансатлантического единства и сигналом для друзей и потенциальных противников о силе и актуальности НАТО.

В этой статье приведены основные причины, объясняющие, почему НАТО необходим новый стратегический документ, который лучше отражает сегодняшние реалии и поможет альянсу эффективно противостоять этим реалиям. Это не полный список приоритетов Министерства обороны Чехии; скорее, он выделяет ключевые постулаты и дает представление о позиции министерства по вопросам, вызывающим острые споры.

Министры обороны стран НАТО обсуждают расходы в Брюсселе. 2017 г.

Причины принятия новой концепции

Дебаты о необходимости новой Стратегической концепции ведутся с момента проведения Варшавского саммита НАТО в 2016 г. В то время альянс уже столкнулся с огромным давлением в решении проблем, которые с тех пор стали еще более очевидными.

Однако в ретроспективном плане эти дебаты были преждевременными. НАТО только начала процесс военной адаптации, институциональная адаптация находилась в состоянии стагнации, а политическая адаптация практически отсутствовала. Кроме того, альянс с напряжением ожидал президентских выборов 2016 г. в Соединенных Штатах и политических решений, которые может принять новая администрация. Победа Дональда Трампа и его позиция в отношении НАТО пошатнули саму основу трансатлантической системы. Поэтому в преддверии Брюссельского саммита НАТО в 2018 г. среди союзников (и экспертов) существовало негласное соглашение о том, что обсуждение новой Стратегической концепции в годы правления Трампа может нанести ущерб НАТО. Такое мнение преобладало до тех пор, пока в 2020 г. не был избран президент США Джо Байден, который провозгласил возвращение к многостороннему подходу, что вновь разожгло дебаты относительно стратегии.

Другие факторы также побудили НАТО сделать следующий шаг в разработке новой Стратегической концепции:

- **Во-первых**, на фоне стремительного технологического прогресса происходит изменение баланса сил между основными мировыми игроками. Россия, Китай и другие государственные и негосударственные субъекты активизировали свою вредоносную деятельность против Запада и его союзников. Резкий рост гибридного вмешательства (кибератаки, кампании дезинформации, марионеточные силы) стал серьезной угрозой сплоченности Североатлантического союза и настоящим испытанием жизнестойкости НАТО. Вопросы, касающиеся новых и разрушительных технологий, последствий изменения климата для безопасности, ядерной сделки с Ираном и космоса как новой области, стали, пожалуй, самыми сложными в повестке дня НАТО. В этой ситуации задача состоит в том, чтобы обеспечить сбалансированное восприятие угроз, исключающее двусторонние споры между союзниками.
- **Во-вторых**, союзники по обе стороны Атлантики пережили несколько динамичных лет. Ориентация США на индийско-тихоокеанский регион в сочетании с критикой Трампом уровня расходов на оборону членов НАТО вызвали у некоторых европейцев разочарование

и поставили под сомнение решимость США. Критические замечания в период президентства Трампа отодвинули на второй план один важный факт: в период с 2016 по 2020 гг. расходы стран НАТО на оборону увеличились вместе с военным присутствием США в Европе. Кроме того, альянс сотрясали внутренние разногласия. Например, высказывание президента Франции Эммануэля Макрона о том, что НАТО переживает «смерть головного мозга», вызвало массу проблем в преддверии саммита НАТО 2019 г. в Лондоне. Однако оно послужило толчком для стратегического пересмотра, который первоначально назывался процессом осмысления, а затем был переименован в перспективную повестку дня «НАТО 2030».

- **В-третьих**, дискуссия о будущем НАТО обострилась после решения США прекратить свое присутствие (и, следовательно, присутствие НАТО) в Афганистане. Поворот событий во время вывода войск из страны также выдвинул на передний план вопросы доверия и баланса сил в альянсе. После столь драматического завершения самой продолжительной миссии НАТО – и единственного случая вмешательства, предусмотренного Статьей 5 Вашингтонского договора – альянс должен теперь найти ответы на некоторые очень трудные вопросы, в частности, как устранить сохраняющийся разрыв в потенциале между США и остальными членами НАТО и как изменить позицию альянса по борьбе с терроризмом.

Президент Франции Эммануэль Макрон выступает на встрече НАТО в 2019 г. в Англии, где он сказал, что НАТО переживает «смерть головного мозга».

- **Последним** важным компонентом, который способствовал поиску новой формулы альянса, стала политика, инициированная генеральным секретарем НАТО Йенсом Столтенбергом – или, если угодно, доктрина Столтенберга. За время его пребывания в должности были внесены

фундаментальные изменения во все три компонента альянса – оборону, управление кризисами и партнерство. НАТО выбрала новое направление и объединила свои многочисленные устремления и подходы в единую всеобъемлющую политику. С новой стратегической концепцией Столтенберг просто «загоняет коров домой», как гласит известная поговорка.

Приоритеты в области сдерживания и обороны

В Чешской Республике считают крайне важным, чтобы в стратегической концепции рассматривались вопросы сдерживания и обороны. Недавние преобразования в сфере безопасности изменили требования к поддержанию сильной позиции в области сдерживания и обороны. Несмотря на то, что многие из этих факторов уже нашли отражение в деятельности и политике Североатлантического союза, новая Стратегическая концепция должна предусматривать всеобъемлющую, современную и эффективную стратегию. Совместными усилиями союзники должны найти способ успешно противостоять все более частым враждебным действиям со стороны России, Китая и других противников. Для этого также необходимо найти общий язык по Китаю. Прочную основу для этого можно найти в Брюссельском коммюнике 2021 г. и во внутренней политике НАТО. Но даже с этим фундаментом китайский вопрос представляет собой реальные проблемы. В отличие от США, не все союзники рассматривают Китай как серьезного соперника. По мнению некоторых членов альянса, главной целью НАТО является коллективная оборона, а именно защита ее европейской территории. Однако такое мышление не является устойчивым. Когда сильнейший союзник НАТО воспринимает Китай как экзистенциальную угрозу, а враждебная деятельность Китая в финансовой, кибернетической и торговой сферах направлена против Европы, Альянс обязан предпринять ответные действия.

Помимо Китая и России, НАТО должна сосредоточиться на ряде других проблем, которые становятся все более очевидными. Центральное место займут такие темы, как изменение климата и его последствия для безопасности, предотвращение и урегулирование кризисов, распределение ресурсов, кибернетическая и космическая сферы, а также дезинформация. Альянс должен адаптироваться к изменениям и занять сильную позицию по этим вопросам.

После событий в Афганистане альянс должен также задуматься о развертывании своих сил за пределами региона, рассмотреть будущее военного вмешательства и проанализировать эффективность своего давнего стремления к содействию стабильности в евро-атлантическом регионе. Полученные в ходе миссии уроки указывают на сложный характер роли США и НАТО за рубежом, а также на трудности государственного

Американские солдаты в провинции Кунар, Афганистан, сидят под флагом США, поднятым в память о 10-й годовщине терактов 11 сентября.

строительства. В любых будущих начинаниях необходимо уделять меньше внимания военным аспектам и

больше – более широким политическим и общественным реалиям. Более того, афганский опыт вызвал много вопросов относительно других текущих усилий по стабилизации и государственному строительству. Миссии Европы и США в Сахеле, Ираке и других местах в Африке и на Ближнем Востоке должны быть пересмотрены с целью изменения их формы в будущем. Союзники должны делать все возможное для повышения авторитета НАТО во всем мире и внутри их страны. Только так можно предотвратить появление призраков Афганистана в будущем. Альянс также должен найти ответы на ряд других вопросов, таких как: Как будет выглядеть военное присутствие НАТО в борьбе с терроризмом? Будет ли НАТО готова применить кинетическую силу против террористических групп? Или ее роль будет сведена к помощи, обучению и наращиванию потенциала? Если да, то уменьшит ли это различия между НАТО, Европейским Союзом и Организацией Объединенных Наций?

Новая Стратегическая концепция НАТО должна включать стратегию, которая позволит альянсу реагировать на «традиционные» угрозы и разработать новый набор инструментов, которые будут

использоваться для противодействия гибридному вмешательству. Очень важно найти правильный баланс между сохранением традиционной позиции сдерживания и обороны и адаптацией к новым вызовам. В то же время Европа должна стать более независимой в принятии мер в своих пограничных регионах. Это означает, что ей придется укрепить свою позицию против угроз с Востока и из Сахельского региона. Оборонные планы ЕС должны включать в себя способ повышения потенциала Европы к реагированию, в основном за счет расширения набора инструментов для управления кризисами в Европе.

Сотрудничество НАТО и ЕС

Как и 20 других европейских стран, Чешская Республика является членом как НАТО, так и ЕС. Поэтому естественно, что одним из главных приоритетов Чешской Республики является обеспечение выполнения целей, изложенных в новом стратегическом документе альянса, в сотрудничестве с ЕС, чтобы гарантировать более равномерное распределение оборонного бремени между Северной Америкой и Европой. За последнее десятилетие Европа поняла, что для сохранения собственной значимости ей необходимо взять на себя ответственность за свою долю финансового бремени. Внимание США сместилось с европейских вопросов на индийско-тихоокеанский регион и соперничество с Китаем. Необходимо

изменить традиционную трансатлантическую договоренность, в которой США обеспечивает безопасность Европы в обмен на помощь Европы в урегулировании кризисов. Евросоюз стремится стать более независимым в вопросах безопасности и обороны. Но пока продолжаются дискуссии о будущей форме европейской обороны, возникает новая трансатлантическая дилемма для союзников по обе стороны Атлантики: США, стремящиеся к большей независимости Европы, рискуют тем, что слишком большая часть Европы отойдет от НАТО или ослабнет. А для многих европейцев уменьшение влияния США в европейской безопасности и обороне неприемлемо. Таким образом, новая трансатлантическая договоренность потребует постоянной калибровки двух подходов, при этом центральной опорой останется сотрудничество НАТО и ЕС.

Целью является создание более равноправного и более эффективного партнерства стран по обе стороны Атлантики. Путь к укреплению европейской опоры в НАТО – это позволить ЕС стать платформой, с помощью которой Европа может уравновесить ситуацию. Проще говоря, действия Европы в области обороны, которые дополняют НАТО, могут стать решением рассматриваемого вопроса. Это должно быть учтено в новой Стратегической концепции НАТО, и тесное сотрудничество НАТО и ЕС должно стать предпосылкой для любой будущей деятельности, стратегии или политики.

Сейчас главная задача союзников – определить практические атрибуты партнерства. В будущем роль Америки в Европе, как ожидается, будет сосредоточена, в первую очередь, на основных задачах НАТО, т.е. на коллективной обороне и управлении кризисами, связанными с традиционными угрозами (например, Россия или терроризм), а также новыми областями и тенденциями (кибернетические, гибридные, космические, технологические). Основным акцентом будет сделан на оказании помощи Европе в укреплении ее потенциала. Вопрос в том, сможет ли ЕС стать самостоятельным в этой области. Цель не должна заключаться в создании лучшего европейского танка или самолета. Вместо этого Европа должна продвигаться вперед в области новых технологий. У нее есть необходимые технологические ноу-хау и, на уровне ЕС, финансовые и правовые инструменты, необходимые для их быстрого запуска в производство. У нее есть потенциал для того, чтобы не отставать от стратегической автономии США в этом отношении. От Европы, в свою очередь, будут ожидать согласования своих интересов с США, особенно в вопросе о Китае. Эти реалии должны быть учтены в следующих шагах Европы в отношении наращивания потенциала, развития возможностей и распределения ресурсов.

С практической точки зрения, этот процесс должен быть основан на тесной, хорошо структурированной координации между НАТО и ЕС, которая предотвращает дублирование усилий и ресурсов. Только такой

подход может помочь сформировать систему, в которой Европа сможет действовать как независимо от США, если это необходимо, так и в качестве их равноправного партнера. Если все будет сделано правильно, сотрудничество НАТО и ЕС может стать основополагающей силой, которая поможет трансатлантическому региону проанализировать свои недостатки, пересмотреть свою политику и подготовить Запад к любым будущим вызовам. Конкретные вопросы, по которым сильное сотрудничество между НАТО и ЕС может быть полезным, включают военную мобильность, обмен информацией, ситуационную осведомленность, а также новые области и угрозы.

Новые области и угрозы

Необходимость укрепления потенциала очевидна, особенно в связи с появлением новых областей (таких как космос), новых угроз и новых технологий. НАТО должна продолжать коллективное развитие потенциала и инноваций, чтобы укрепить свои позиции в качестве глобального лидера. В первую очередь это важно для европейских членов альянса, которые отстают в этой области. НАТО необходимо стремиться к завоеванию лидерских позиций в технологической сфере и стать суверенным и дееспособным игроком, устанавливающим принципы ответственного использования. Альянс должен создать механизмы финансирования и другие стимулы для содействия исследованиям, разработкам и технологическим инновациям. Кроме того, НАТО и ЕС должны создать систему оценки последствий появления новых и разрушительных технологий для безопасности. Такая система позволит лучше подготовить Европу к любым надвигающимся опасностям или угрозам. Примером успеха является документ НАТО «Ускорение инноваций в сфере обороны в Северной Атлантике к 2023 г.». Это повысит уровень цифровой грамотности членов НАТО, активизирует сотрудничество в области критических технологий и позволит НАТО более тесно сотрудничать с частным сектором и научными кругами. Кроме того, это станет дополнением к существующим усилиям Европейского оборонного агентства, которое в последние несколько лет содействует сотрудничеству государственного и частного секторов в области инноваций.

В космической сфере и информационном пространстве НАТО должна зарекомендовать себя как сильная и независимая сила, способная бросить вызов своим соперникам, главным образом Китаю, различным частным компаниям и другим негосударственным субъектам. Ключевыми шагами станут создание системы ситуационной осведомленности в космосе и сети обмена данными, а также внедрение правил и принципов работы в космическом пространстве. И наконец, ЕС может дополнить НАТО путем предоставления инструментов, не являющихся чисто военными, в частности, экономических, политических или правовых институтов. Эти организации могут

совместно использовать уже существующие структуры, включая процесс планирования обороны НАТО и Скоординированный ежегодный обзор обороны ЕС, для создания действующего механизма, который будет способствовать взаимности и предотвращать дублирование работы.

Консультации и жизнестойкость

НАТО должна добавить консультации и жизнестойкость в качестве ключевых функций, позволяющих выполнять ее основные задачи по коллективной обороне, управлению кризисами и безопасности на основе сотрудничества. Консультации как новая основная задача обеспечат более скоординированную коммуникацию между отдельными странами и между североамериканским и европейским блоками. Для того чтобы НАТО смогла найти консенсус в отношении своих приоритетов и успешно проводить свою политику, повышение значимости консультаций имеет жизненно важное значение. Это особенно важно в контексте роли НАТО как мировой силы. Члены Альянса должны действовать как единое целое, противостоять противникам, создавая новые партнерства и развивая уже существующие. У НАТО нет другого выбора, кроме как работать над укреплением единства, поскольку неудача может означать конец ее существования. Расширение консультаций должно стать инструментом для решения внутренних разногласий или споров. С учетом разнообразия взглядов и предпочтений в оборонной политике отдельных стран-членов, действенная система разрешения конфликтов – это «то, что доктор прописал». НАТО долгое время избегала спорных тем, которые извне могли бы создать впечатление, что альянс ослаб или даже находится на грани распада. Однако уклонение от неудобных разговоров может принести еще больший вред в долгосрочной перспективе.

Не менее важное значение имеет повышение жизнестойкости как очередной миссии НАТО. Создание жизнеспособного общества и институтов как никогда необходимо, особенно в контексте постоянных попыток противников НАТО ослабить и расколоть альянс. Повышение нашей жизнестойкости также чрезвычайно важно для надежного сдерживания и обороны. В настоящее время наблюдается рост гибридного вмешательства, снижение доверия населения к западным правительствам и институтам, а также целенаправленные кампании по дезинформации. Необходимо повысить нашу жизнеспособность в этих областях, а также в отношении глобальной пандемии. Мы должны принять стратегию предотвращения и скоординированного реагирования на ситуации как военного, так и невоенного характера.

Расходы на оборону

Для того чтобы НАТО преуспела в рамках текущей адаптации и достигла целей, которые она поставит

перед собой в новой Стратегической концепции, необходимо обеспечить достаточные ресурсы, как людские, так и финансовые. На саммите НАТО в Уэльсе в 2014 г. союзники приняли «Обязательство по инвестициям в оборону», взяв на себя обязательство достичь порога в 2% от валового внутреннего продукта в расходах на оборону к 2024 г. Достижение этого к указанному сроку может оказаться сложным для многих стран, в том числе и для Чешской Республики, и станет невозможным без достаточной политической воли и скоординированного подхода со стороны всех союзников. Соответствующее финансирование будет необходимо для продолжения модернизации вооруженных сил союзников, развития новых возможностей и поддержания позиций НАТО в области сдерживания и обороны. Без этого планы НАТО на будущее могут существовать только на бумаге.

Британские солдаты в составе возглавляемой НАТО миссии «Решительная поддержка» проверяют машину скорой помощи после нападения в Кабуле, в Афганистане, в 2020 г.

Заключение

Ожидаемым результатом процесса «НАТО 2030» является принятие новой стратегической концепции. Союзники должны достичь соглашения, продемонстрировать сплоченность и послать сильный сигнал миру; что-либо меньшее может означать конец НАТО. В конце концов, конечным условием успешной стратегической концепции является сильная политическая воля, подкрепленная ресурсами – финансовыми, материальными и человеческими. Ответственность за это лежит на лидерах и правительствах всех стран-членов. Их бездействие может парализовать трансатлантические связи, лишить Европу значимости и ослабить весь евро-атлантический регион. □

Примечание редактора: Эта статья была написана до эскалации незаконной агрессии России против Украины в феврале 2022 г. и саммита НАТО в июне 2022 г.

Партнерство НАТО-ЕС

СОТРУДНИЧЕСТВО НЕОБХОДИМО ДЛЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Генерал-полковник Ханс-Вернер Вьерманн, немецкого Бундесвера, Генеральный директор Международного военного штаба НАТО

«НАТО – самый сильный и успешный союз в истории. Он является гарантом безопасности нашей территории и одного миллиарда наших граждан, нашей свободы, а также разделяемых нами ценностей, включая свободу личности, права человека, демократию и верховенство закона. Нас связывают наши общие ценности, закрепленные в Вашингтонском договоре, на которых зиждутся наше единство, солидарность и сплоченность. Мы берем на себя обязательства выполнять наши обязанности в качестве членов НАТО соответствующим образом. Мы вновь подтверждаем свою приверженность целям и принципам, изложенным в Уставе Организации Объединенных Наций (ООН). Мы привержены основанному на правилах международному порядку. Мы берем на себя обязательства по укреплению консультаций, когда безопасность или стабильность государства-члена НАТО оказывается под угрозой или когда наши основополагающие ценности и принципы подвергаются риску».

– Коммюнике саммита в Брюсселе, 14 июня 2021 г.

Сегодня НАТО столкнулась с многосторонними угрозами, системным противостоянием агрессивным и авторитарным режимам, а также с растущими вызовами безопасности нашим странам и гражданам по всем стратегическим направлениям. Эволюция обстановки безопасности все больше требует от нас противостояния угрозам и вызовам путем целенаправленного, слаженного и постоянного использования военных и невоенных инструментов.

Россия превратилась из партнера в соперника и продолжает бросать вызов основанному на правилах порядку в сферах деятельности, регионах и функционировании институтов. Сейчас отношения между НАТО и Россией находятся в самой низшей точке со времен окончания холодной войны, и агрессивные действия Москвы представляют угрозу нашей безопасности. Коммюнике брюссельского саммита предупреждает: «Наращивание Россией военной мощи в различных сферах, ее более напористое построение сил, новый военный потенциал и провокационная деятельность, в том числе вблизи границ НАТО, а также проводимые ею без уведомления широкомасштабные внезапные учения, продолжающееся наращивание военной мощи в Крыму, развертывание современных ракет двойного назначения в Калининградской области, военная интеграция с Беларусью и неоднократные нарушения воздушного пространства государств-членов НАТО представляют все большую угрозу для безопасности евроатлантического пространства и приводят к нестабильности вдоль границ НАТО и за их пределами».

Члены и партнеры НАТО продолжают сталкиваться с проблемами насильственного экстремизма и

международного терроризма. Двадцатая годовщина терактов 9 сентября в Нью-Йорке, а также нападения в Новой Зеландии и Израиле показали, что теракты могут произойти абсолютно в любой стране, особенно когда Исламское государство и другие террористические группировки продолжают действовать. Нарастает нестабильность на Ближнем Востоке и в Африке, где целые общины вынуждены покидать свои дома и страны в поисках защиты и безопасности. Драматические события в Афганистане – полный коллапс афганского правительства и инфраструктуры и последующий захват власти Талибаном – стали неожиданностью для всего мира. Такой поворот событий был неблагоприятным для всего мирового сообщества.

Кроме того, неуклонный рост влияния Китая фундаментально меняет мировой баланс сил. Китай нагнетает гонку за экономическое и технологическое превосходство, инвестируя в новые военные возможности и все больше бросая вызов нашим ценностям и образу жизни. Китай быстро становится доминирующим мировым игроком, в том числе и на ландшафте международной безопасности, проводя модернизацию своих вооруженных сил и добавляя все новые боеголовки в свой ядерный арсенал и увеличивая количество современных систем их доставки. Страны НАТО обеспокоены китайской политикой принуждения, противоречащей основным ценностям, зафиксированным в Вашингтонском договоре. Китай представляет собой великую державу, которая не разделяет наши ценности.

Факторы сдерживания и обороны по-прежнему чрезвычайно важны для обеспечения нашей безопасности и продолжают оставаться движущей силой адаптации НАТО к нынешним переменам. В период с 2014 г. НАТО провела самую масштабную адаптацию за последнее поколение – она укрепила свою коллективную оборону, повысив способность защищать всех союзников на суше, на море, в воздухе, в киберпространстве и в космосе, отвечая на новые вызовы. И хотя НАТО

Военнослужащие сухопутных сил Испании готовятся к освобождению объекта в соответствии со сценарием операций в городских условиях в ходе учений «Надежный защитник», проходивших в Румынии в 2021 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВОЕННЫЙ ШТАБ НАТО

остается опорой стабильности вот уже более 70 лет, мы должны постоянно следить за тем, чтобы альянс оставался надежным, слаженным и жизнестойким перед лицом изменяющейся обстановки безопасности. НАТО должен быть готовым к новым мировым реалиям возрастающего геополитического и системного противостояния и нарастающего авторитаризма.

На саммите в Лондоне в 2019 г. лидеры стран НАТО обратились к генеральному секретарю альянса с просьбой провести перспективный процесс осмысления с целью дальнейшего укрепления политического аспекта деятельности НАТО, включая консультации. Два года спустя в Брюсселе лидеры стран альянса согласились выступить с инициативой «НАТО 2030» – своего рода повесткой дня трансатлантического союза на будущее. Кроме того, договорились об укреплении связей НАТО со странами – единомышленниками и международными организациями. Для достижения этой цели союзники согласились повысить способности НАТО по сохранению и формированию основанного на правилах международного порядка в важных для безопасности альянса сферах. НАТО расширит свой диалог и практическое сотрудничество с существующими партнерами, включая Европейский союз.

«На протяжении всей своей истории НАТО постоянно адаптировалась к изменяющимся условиям безопасности. Повестка «НАТО 2030» дополняет и берет за основу нашу продолжающуюся политическую и военную адаптацию, укрепляет нашу способность выполнять наши три основные задачи и способствует тому, чтобы наш сильный союз был еще сильнее и готов к будущему ... Повестка «НАТО 2030» выводит устремления НАТО на более высокий уровень. Она предоставляет четкие руководящие принципы для дальнейшей адаптации для противостояния существующим, новым и будущим угрозам и вызовам, опираясь на текущую политическую и военную адаптацию Североатлантического союза».

– Коммюнике саммита в Брюсселе

Беря за основу общие интересы и общие проблемы, сотрудничество между НАТО и ЕС переросло в прочное и взаимовыгодное сотрудничество. Эти отношения берут начало в 1990-х гг., а десятилетие спустя были формально закреплены в 2002 г. Декларацией НАТО и ЕС о европейской безопасности и оборонной политике. Этот важный документ заложил общие политические принципы и подтвердил доступ ЕС к натовским возможностям планирования для его собственных военных операций. В 2003 г. договоренность «Берлин Плюс» заложила основы для поддержки альянсом операций под руководством ЕС, в которых НАТО как единый институт не задействован.

В 2010 г. на саммите в Лиссабоне союзники по НАТО подчеркнули свое намерение усовершенствовать стратегическое партнерство с Евросоюзом. Стратегическая

концепция 2010 г. обязала альянс более тесно сотрудничать с другими международными организациями в предотвращении кризисов, урегулировании конфликтов и стабилизации ситуаций после окончания конфликтов. Одним из ключевых принципов сотрудничества между НАТО и ЕС остается наличие единого комплекта сил. Это означает, что состоящие в обеих организациях страны должны иметь два комплекта требований к своим возможностям для поддержки каждой из организаций, но только один комплект реальных сил для обеспечения эффективности и избежания дублирования.

Каждый последующий саммит НАТО еще больше обогащал это сотрудничество. В июле 2016 г. в Варшаве две организации наметили сферы для укрепления сотрудничества в свете общих наметившихся угроз безопасности на востоке и на юге, в числе которых были противодействие гибридным угрозам, повышение жизнестойкости, наращивание оборонных возможностей, киберзащита, безопасность на море и проведение учений.

Двумя годами позже в Брюсселе в подписанной совместной декларации обе организации согласились сосредоточить внимание на таких аспектах как военная мобильность, борьба с терроризмом и повышение жизнестойкости перед лицом опасности применения химического, биологического, радиологического и ядерного оружия, а также на продвижении натовской инициативы «Женщины, мир и безопасность». В настоящее время в рамках сотрудничества между НАТО и ЕС реализуются 74 проекта, направленных на укрепление европейской безопасности, расширение возможностей, управление кризисными ситуациями и обучение.

За последние пять лет организации еще больше расширили свое сотрудничество, сосредоточив внимание на конкретных результатах и повышении степени безопасности граждан европейских стран. Важность этого уникального и важного партнерства в еще большей степени была отмечена на саммите в Брюсселе в 2021 г., где лидеры стран альянса показали конкретные результаты совместных действий в отношении гибридных угроз и угроз в киберпространстве, стратегических коммуникаций и оперативного планирования (включая вопросы совместных действий на море, военной мобильности, оборонных возможностей и военной промышленности). Были продемонстрированы также результаты совместной деятельности по таким направлениям как проведение исследований и учений, борьба с терроризмом и оборона, а также повышение возможностей в сфере безопасности. Создание слаженных, взаимодополняющих и оперативно совместимых оборонных возможностей остается ключевым направлением совместных усилий двух организаций, направленных на повышение безопасности евроатлантического региона.

«Европейский союз по-прежнему является уникальным и важнейшим партнером НАТО. Стратегическое партнерство НАТО и ЕС крайне важно для безопасности и процветания наших

стран и евроатлантического региона. НАТО признает важность более сильной и способной европейской обороны. Развитие слаженного, взаимодополняющего и оперативно совместимого оборонного потенциала, избегая ненужного дублирования, играет ключевую роль в наших совместных усилиях, направленных на повышение безопасности евроатлантического региона. Подобные усилия, включая последние события, приведут к усилению НАТО, помогут укрепить нашу общую безопасность, будут способствовать справедливому распределению бремени по обе стороны Атлантики, помогут предоставить необходимые силы и средства и окажут поддержку общему увеличению оборонных расходов».

– Коммюнике саммита в Брюсселе

Преодоление разрыва между НАТО и ЕС является важным элементом в выработке многонационального всестороннего подхода к управлению кризисными ситуациями, особенно ситуации с пандемией COVID-19, потребовавшего применения как военных, так и гражданских средств реагирования. Этот кризис показал, какую ключевую роль могут играть военные в поддержке национальных гражданских усилий, а также важность механизмов НАТО по координации помощи. В рамках НАТО и ЕС национальные вооруженные силы были направлены для поддержки ответных мер гражданского сектора – были отправлены военные медики для оказания помощи переполненным гражданским медицинским учреждениям, развернуто почти 100 полевых госпиталей, эвакуированы пациенты и репатрированы иностранные граждане, обеспечена безопасность границ и оказана помощь с тестированием и транспортировкой медицинских товаров. Во время этой пандемии было задействовано наибольшее количество военных в мирное время за всю историю.

Более того, руководители союзных стран особенно акцентировали необходимость углубления сотрудничества путем полной реализации пакета из 74 предложений. Эти предложения повышают уровень слаженности и направлены на решение эволюционирующих проблем безопасности, таких как жизнестойкость институтов, новые подрывные технологии, влияние изменения климата на безопасность, дезинформация и нарастающее геостратегическое противоборство. Руководители стран альянса также признали, что продолжающиеся очевидные стратегические процессы в НАТО и в ЕС дают возможность для дальнейшей интенсификации консультаций и сотрудничества между этими двумя организациями.

В то время как НАТО отмечает пятую годовщину начала расширенного передового присутствия НАТО в Эстонии, Латвии, Литве и Польше – что является воплощением надежного сдерживания и оборонной политики – крайне важна постоянная работа двух организаций по вопросу военной мобильности. Военная мобильность представляет собой логический и очень важный шаг для

конвенциональной обороны и политики сдерживания НАТО в XXI веке. Повышенная военная мобильность в Европе является ключевым фактором в достижении более надежного сдерживания и оборонной политики и стала одним из основных направлений сотрудничества между ЕС и НАТО. Руководители НАТО и ЕС вместе продолжают работать не только для того, чтобы выработать совместный слаженный и взаимодополняющий подход, но и для того, чтобы выработать, где только возможно, единые правила и стандарты, в том числе относящиеся к военной мобильности процедуры, которые будут относиться в равной степени ко всем странам-участникам.

В коммюнике брюссельского саммита признается, что важный аспект этого всестороннего подхода в отношении обеспечения укрепления зоны ответственности Главнокомандующего объединенными силами НАТО в Европе (SACEUR) состоит в повышении усилий НАТО по обеспечению слаженности действий и процедур с Евросоюзом в сфере военной мобильности, в том числе и процедур военной мобильности, которые должны применять в равной степени все союзники. Посредством законодательных мер, упрощения процедур и дипломатических разрешений быстрого пересечения границ по суше, по воздуху и по морю НАТО удалось повысить готовность своих сил и способность их быстрого передвижения внутри Европы как в мирное время, так и во время кризиса или конфликта.

Впервые НАТО и ЕС подняли вопрос о военной мобильности в пакете предложений по сотрудничеству, изложенных в совместной декларации, подписанной политическим руководством обеих организаций в декабре 2017 г. С тех пор НАТО и ЕС заключили несколько договоренностей на высшем политическом уровне относительно военной мобильности. Обе стороны подчеркнули важность сотрудничества Между НАТО и ЕС в вопросах военной мобильности на встрече министров иностранных дел и министров обороны стран ЕС в июне 2018 г., а также в текстах коммюнике саммитов НАТО в июле 2018 г. и 2021 г. В настоящее время вопросы военной мобильности являются главным направлением сотрудничества НАТО и ЕС, и многие союзники ожидают существенных результатов.

В течение 2018 г. и 2019 г. НАТО и ЕС обменивались своими соответствующими требованиями относительно инфраструктуры. После того, как в марте 2019 г. НАТО передала ЕС свои обновленные параметры инфраструктуры, в июле 2019 г. Совет ЕС одобрил свою обновленную версию транспортной инфраструктуры и географические данные военных требований в рамках ЕС и за его пределами. Более того, НАТО согласилась передать в открытый доступ свой стандарт относительно транспортировки опасных грузов, чтобы поддержать работу ЕС в этой сфере. В начале 2021 г. альянс передал ЕС свои карты «Основных маршрутов доставок НАТО» – указывающие автомобильные и железнодорожные маршруты, используемые для передвижения сил и техники с территории союзников, на их территорию и через их территорию – в

целях достижения согласованности действий и избежания дублирования. Поскольку НАТО и ЕС в основном полагаются на одни и те же военные силы и возможности, эти карты помогут достичь более высокий уровень взаимодействия между этими двумя организациями.

Развивая это сотрудничество, руководители соответствующих национальных ведомств обменялись контактной информацией для совместных действий, связанных с военной мобильностью. С одной стороны, НАТО предоставила свой единый список контактов на национальном уровне в рамках всеправительственного подхода к национальным правилам и гражданским механизмам, установленным Комитетом НАТО по гражданскому чрезвычайному планированию. С другой стороны, для сотрудничества по вопросам военной мобильности ЕС предоставил список национальных контактных органов в странах-членах, утвержденный военным руководством ЕС. Более того, НАТО создает сеть круглосуточного контроля движения между НАТО и национальными ведомствами из гражданского и военного секторов. Эта функционирующая в мирное время сеть будет иметь способность значительно повысить свои возможности во время кризисной ситуации или конфликта.

Учитывая то, что НАТО полагается на стратегию быстрого подкрепления для защиты своего восточного фланга, надежные и устойчивые возможности военной мобильности представляют еще большую важность для европейской политики обороны и сдерживания. По сути, гарантия того, что оборонные возможности альянса обладают такими качествами как мобильность, оперативность и выживаемость, снижает вероятность конфликта. Повышая функциональность и военную мобильность своих сил, НАТО может укрепить свою систему безопасности на грядущие десятилетия, гарантируя в долгосрочной перспективе надежное сдерживание и оборону.

Поскольку в НАТО господствует подход обеспечения обороны на 360 градусов, то усилия по обеспечению военной мобильности должны сосредотачиваться не только на угрозах на востоке и на севере, но также и на южном направлении и на тревогах союзников в Центральной Европе относительно безопасности тыловых районов. Основываясь на этом принципе, НАТО и ЕС сейчас в целом признают, что их прочное сотрудничество имеет критически важное значение для выработки скоординированных военных и гражданских ответов на потенциальные угрозы.

Таким образом, прочное сотрудничество между НАТО и ЕС просто необходимо для поддержания военной мобильности. В диалоге на тему военной мобильности участвуют соответствующие представители НАТО и ЕС, в его ходе происходит обмен информацией по важным аспектам военной мобильности, включая транспортную инфраструктуру, транспортировку опасных грузов, прохождение таможи, получение разрешений на пересечение границ, коммуникации (командование и управление) и коммуникационно – информационные системы. Этот механизм и дальше будет способствовать

повышению слаженности действий и достижению высокой степени взаимодействия во всех возможных областях.

Ключевыми элементами являются институциональная специфика обеих организаций и различие в их задачах и приоритетах. В то время как НАТО в основном сосредоточена на вопросах сдерживания и обороны и делает упор на военную логистику и неизменность географических аспектов Европы как основных задачах зоны ответственности SACEUR, Евросоюз сосредоточен на военно-гражданском урегулировании кризисных ситуаций за пределами Европы и на создании коммерческих правил, инструкций и инфраструктуры внутри Европы. Именно из-за этих различий на НАТО и на ЕС лежит общая ответственность за создание условий, необходимых для передвижения вооруженных сил по территории Европы. Более того, 21 государство имеет членство в обеих организациях и должно рассматривать вопрос военной мобильности как часть собственных национальных политических процессов, при этом пытаясь уравновесить приоритеты этих двух отдельных организаций. Помимо уже вышеупомянутых проблем, мешающих сотрудничеству, передвижение войск также сопряжено с трудностями для обеих организаций.

В вопросе о военной мобильности НАТО сталкивается с препятствиями на четырех основных направлениях. Первое препятствие связано с юрисдикцией и законодательством на национальном уровне. Чрезвычайно важно, чтобы все союзники установили процедуру разрешения пересечения границ и убрали в национальных законодательствах существующие ограничения. По этому направлению НАТО создала законодательные рамки путем подписания всеми союзниками и некоторыми участниками программы «Партнерство ради мира» отдельных технических соглашений. Усилия союзников по обеспечению ускоренного продвижения воинских контингентов в Европе позволяют вооруженным силам пересекать границы и территории стран (включая их воздушное пространство) с соответствующей скоростью, требуемой для проведения каждой операции, задания и оперативных действий. Получение разрешений на перевозку опасных грузов, таких как боеприпасы, представляют здесь особую проблему. НАТО признает, что существенную роль в этом вопросе играют усилия ЕС по упрощению таможенных, юридических и административных процедур, направленных на сокращение времени прохождения военных грузов через Европу. Большое значение здесь имеют гражданские институты и организации, управляющие транспортной инфраструктурой и транспортными возможностями.

Вторым препятствием является организация системы командования и управления, которая остается ключевым элементом в руководстве потоками различного вида военных сил и боевой техники. Все эти конкретные передвижения требуют безупречной координации действий как военных, так и гражданских субъектов. Существующая и постоянно улучшающаяся схема военных передвижений является частью глобальной сети командования и управления. Как уже упоминалось, НАТО создала сеть контактов на политическом уровне,

охватывающую все союзные страны, для поддержки координации действий между военными и гражданскими субъектами. Именно эти контактные органы будут первыми принимать запросы на решение конфликтных ситуаций при военных передвижениях и отвечать за их обработку на уровне конкретной страны.

Третья проблема – возможности военных и гражданских активов. Передвижение войск и боевой техники требует поддержки гражданских компаний, как общественных, так и частных. Скоординированное планирование размещения и устойчивого потока позволяет НАТО избежать конкуренции между странами в условиях ограниченных возможностей и возрастающих финансовых затрат. Необходимо четко урегулировать требования военных, чтобы уравновесить потребности и имеющиеся национальные возможности.

Четвертым и последним препятствием является инфраструктура, которая пострадала со времен окончания холодной войны. Обновление существующей транспортной инфраструктуры, такой как порты, железные дороги, автомобильные дороги и мосты, способные выдерживать вес военного оборудования, и вспомогательной инфраструктуры (например, размещение личного состава и парковка техники) для войск в Европе ложится серьезным финансовым бременем на все союзные страны. Известным примером является разница в ширине железнодорожного полотна в Восточной и в Западной Европе.

Несмотря на эти препятствия, усилия по обеспечению военной мобильности продолжают. Что касается Трансевропейской транспортной сети Евросоюза, призванной расширить транспортную инфраструктуру, связывающую Восточную и Западную Европу, то три из девяти транспортных коридоров ЕС могут использоваться НАТО для размещения, подкрепления и самообеспечения сил альянса. Более того, Многолетняя финансовая программа на период 2021-2027 гг., охватывающая также и военную мобильность, предоставляет важную возможность тем союзникам, которые также являются и членами ЕС, предлагать проекты, соответствующие требованиям НАТО. Таким образом, альянс должен убедиться в том, что в этих двух организациях транспортная инфраструктура отвечает запросам военных в максимально возможной степени.

Кроме того, НАТО стимулирует союзников и отдельные группы союзников предлагать творческие решения проблем и делиться передовым опытом по преодолению бюрократических проволочек при перемещении войск и военной техники. В качестве наглядного примера, Голландия выступила с инициативой поддерживать все элементы функционирования НАТО с компонентами военной мобильности. НАТО считает, что это внесет существенный вклад в достижение согласования рабочих стандартов, процессов и процедур, потому что Голландия также еще возглавляет проект ЕС «Постоянное структурированное сотрудничество».

НАТО также приветствует просьбу Канады, Норвегии и Соединенных Штатов об участии в проекте

ЕС по совершенствованию военной мобильности. Многочисленные угрозы, стоящие перед Европой и Северной Америкой, подчеркивают необходимость совместных действий. Совет ЕС согласился с просьбой США об информировании относительно дискуссий и решений, касающихся участия трех стран. Это способствует обмену знаниями, навыками и передовым опытом между двумя организациями с целью улучшения транспортной инфраструктуры, стратегической грузоподъемности, командования и управления, жизнестойкости киберсетей и процедур транзита военных товаров.

И наконец, продолжают усилия по определению проектов, способных гармонизировать существующие стандарты. НАТО приглашает представителей ЕС принять участие в работе Группы НАТО по стандартизации, что будет служить еще одним форумом для согласования усилий по повышению взаимодействия и избежания дублирования при выработке стандартов.

За последние 30 лет это партнерство расширилось, оно способствует поддержанию мира, безопасности и экономической стабильности, избегая при этом дублирования. Частично это происходит благодаря лучшему пониманию роли каждой из организаций, но также и благодаря гибкости, необходимой для развития и адаптации к меняющейся ситуации. Для того, чтобы наилучшим образом выполнять стоящие перед ними задачи, НАТО и ЕС используют процесс самоконтроля, создающий у них способности выполнять эти задачи. В случае с НАТО это процесс «НАТО 2030», нацеленный на обеспечение более интегрированного подхода к таким аспектам как жизнестойкость, увеличение инвестиций в технологическую сферу, более тесные партнерские отношения и большее внимание влиянию изменения климата на вопросы безопасности. Что касается ЕС, то это программа «Стратегический компас», которая укрепит общую европейскую безопасность путем определения будущих угроз, а также целей и устремлений в оборонной сфере. Но прежде всего это возможность согласовать и расширить наши устремления относительно сотрудничества между НАТО и ЕС, вместе смотреть в будущее и выработать единое понимание стоящих перед нами проблем и возможностей.

«НАТО – это союз, который постоянно обновляется и адаптируется к новым угрозам и вызовам. НАТО также адаптируется как организация ... Мы будем непрерывно добиваться большей слаженности, действенности и эффективности в поддержку гибкости и способности реагировать, которые нам нужны как союзнической организации».

– Коммюнике саммита в Брюсселе □

Примечание редактора: Эта статья была написана до полномасштабной незаконной агрессии России против Украины в феврале 2022 г. Срок службы генерал-полковника Виейрманна в должности генерального директора Международного военного штаба НАТО окончился в июле 2022 г.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ «PER CONCORDIAM»

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ, СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ И НАТО

Перспективы после выборов в Германии

Д-р Ральф Ролофф и Д-р Мэтью Родс, профессора в Центра им. Маршалла

Следующий диалог адаптирован из публикации «Германия голосует» ежеквартального аудиоподкаста «Трансатлантический разговор». Он был записан 27 сентября 2021 г.

Д-р МЭТТЮ РОДС: Ральф, за несколько месяцев до парламентских выборов в Германии много говорили о наследии Ангелы Меркель как канцлера после 16 лет пребывания у власти. Некоторые из этих комментариев были резко критическими. Например, обложка журнала «The Economist», вышедшего в пятницу перед выборами, называлась «Беспорядок, который Меркель оставляет после себя». В газете «The Wall Street Journal» также была опубликована статья, в которой делался вывод о том, что реальным наследием Меркель станет ослабевший Запад. С Вашей точки зрения, какие очень важные события для внешней политики Германии в целом и для трансатлантических отношений в частности произошли при Меркель?

Д-р РАЛЬФ РОЛОФФ: Спасибо, Мэтт. Действительно, 16 лет – это долгий срок для должности главы правительства. Ангела Меркель, безусловно, относится к числу лидеров с самым длительным сроком пребывания у власти на международной арене, а также к числу канцлеров с самым длительным сроком правления в истории Германии. Поэтому можно сказать, что в последние месяцы ее правления с ней долго прощались. С моей точки зрения, внешняя политика Германии, которую Меркель оставила после себя, отражает время, через

которое ей пришлось пройти. О ней будут вспоминать если не как о канцлере, то как о «Канцлере по управлению кризисами».

По крайней мере, 10 из 16 лет пребывания Меркель на посту канцлера были связаны с кризисами, будь то финансовый кризис, кризис беженцев или кризис пандемии COVID-19, и это лишь три из них. Относительно скоро после ее вступления в должность начался финансовый кризис и кризис евро, затем ей пришлось иметь дело с «арабской весной», выходом из ядерной энергетики, миграционным кризисом, климатическим кризисом и Парижским соглашением, Грузией, Украиной и Россией, Brexit и иранской сделкой. Для международных отношений и внешней политики это означает беспокойное время. Поэтому управление кризисами и то, как она справлялась с кризисами – это, безусловно, одно из наследий, за которое ее будут помнить.

У нее также был очень прагматичный подход к политике, я бы даже сказал, что она не страдала тщеславием, которое обычно присуще лидерам. Она была больше заинтересована в решении проблем, и благодаря этому ей удалось укрепить роль Германии как доминирующей, если не преобладающей, державы в Европе, особенно в рамках Европейского союза и Западного альянса (НАТО). Это не всегда воспринималось

положительно – во время кризиса евро она стала самым ненавистным политиком в некоторых странах-членах ЕС. Однако ее четкий, аналитический, личностный подход, безусловно, останется в памяти.

Разрешение большинства кризисов означало также решение вопросов, связанных с НАТО и трансатлантическими отношениями. За 16 лет пребывания Меркель на посту канцлера она имела дело с четырьмя совершенно разными президентами США. Она пережила взлеты и падения в отношениях между Германией и США. Она вступила в должность в один из самых тяжелых периодов правления президента Джорджа Буша-младшего, после войны в Ираке. Затем она пережила время правления президента Барака Обамы, и я до сих пор вспоминаю прекрасные фотографии с саммита Большой семерки 2015 г. в Гармише в замке Эльмау, который на самом деле был саммитом Большой двойки между Меркель и Обамой. Она также перенесла период потрясений, связанный с президентством Дональда Трампа, во время которого ключевой союзник США стал восприниматься скорее как сложная проблема. Она всегда старалась пройти через это с ясным, аналитическим взглядом, а не под влиянием сильных эмоций.

В конечном итоге, наследие Меркель во внешней политике Германии – это общий многосторонний подход, основанный на прочной интеграции в ЕС и НАТО, многостороннее сотрудничество в контексте ООН и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, и, в частности, новые формы неформального лидерства через Большую семерку, Большую двадцатку, Нормандский формат и другие форматы 2+X, через которые она очень умело работала за кулисами. И я совершенно убежден, что такого рода кризисное управление – это то, чего нам будет не хватать.

Так что моя позиция выглядит гораздо более позитивной, чем у журнала «The Economist». Мэтт, что вы думаете о том, как наследие Меркель воспринимается в Соединенных Штатах?

РОУДС: Как американец, я думаю, что здесь были представления, несколько схожие с теми, о которых Вы говорили. На мой взгляд, среди всех этих различных событий, различных кризисов и различных президентов на протяжении 16 лет самым главным является то, что Германия стала рассматриваться как доминирующая держава в Европе, в том числе и в США, и как самый важный европейский союзник США, а лично Меркель – отчасти из-за ее многолетнего правления и определенных лидерских качеств, о которых вы говорили – также стала самым заметным, самым узнаваемым европейским лидером для широкой американской общественности.

В 1990-х гг. или в начале этого века, при администрациях Билла Клинтона и Джорджа Буша-младшего, эта роль по-прежнему принадлежала Великобритании и Тони Блэйру. При Меркель произошел явный сдвиг, по Вашим словам, как в положительном, так и в отрицательном смыслах. Вы упомянули фотографии

улыбающихся Меркель и Обамы с саммита Большой семерки в Шлосс Эльмау, и с точки зрения цикличности этих событий интересно, что в следующем году Германия снова займет место председателя Большой семерки. Я также вспоминаю высказывание президента Обамы в самом конце его президентского срока, перед посадкой в президентский самолет для последней поездки в Берлин, в котором он сказал журналистам, что считает канцлера Меркель своим самым важным международным партнером за время своего пребывания у власти.

Аналогично, говоря о президенте США Джо Байдене, следует отметить, что в первые недели после инаугурации он нашел время, чтобы вместе с Меркель принять участие в виртуальной Мюнхенской конференции по безопасности, и что канцлер Меркель была первым европейским лидером, которого он пригласил в Белый дом.

Но, как Вы уже упомянули, все было совсем иначе в течение четырех лет правления Трампа. В то время президент Трамп, казалось, почти из кожи вон лез, чтобы выделить Германию и лично Меркель в качестве объекта очень негативной публичной критики. Даже во время избирательной кампании 2016 г. одной из типичных реплик Трампа на митингах была фраза о том, что Ангела Меркель «губит Германию», потому что она впустила в страну слишком много мигрантов. Трамп также критиковал Германию за низкие расходы на оборону и то, что он считал протекционистской торговой практикой ЕС на протяжении всего своего пребывания у власти. Но если верить старой поговорке о том, что нет такой вещи, как плохая реклама, то в любом случае Германия и Меркель привлекали к себе много внимания.

Мы видели, как это отразилось в США и на международном уровне в виде повышенного интереса к избирательной кампании в Германии. Учитывая, опять же, новую значимость Германии и определенную настороженность по поводу того, что произойдет или изменится после 16 лет правления одного лидера, в СМИ и среди людей больше внимания уделялось этим выборам, чем любым другим выборам за время моей работы в Центре им. Маршалла. Отчасти это внимание было направлено на внешнюю политику, включая позицию некоторых партий по отношению к НАТО. Призыв левой партии Die Linke к выходу из НАТО и призыв партии Зеленых отказаться от целевого показателя расходов на оборону в размере 2% от валового внутреннего продукта (ВВП) подогрели домыслы о том, что может принести новое правительство.

Ральф, какую роль, по вашему мнению, сыграла внешняя политика в предвыборной кампании, и что означают первоначальные результаты для европейской безопасности?

РОЛОФФ: Любопытно узнать, что выборы в Германии занимали видное место в американских СМИ и среди общественности, что говорит о значимости Германии

для США и американской внешней политики. Однако я должен признать, что в самой Германии на протяжении всей кампании роль внешней политики практически равнялась нулю. Внешняя политика редко бывает самым главным вопросом в предвыборных кампаниях, но обычно хотя бы некоторые из ключевых тем имеют важное значение. Четыре года назад это был вопрос миграции, а до этого у нас был кризис евро. Затем всё затмили пандемия COVID-19 и изменение климата. Даже если взять так называемые дебаты триады между тремя основными кандидатами на пост канцлера, то в них трудно найти обсуждение какого-либо внешнеполитического вопроса. Они не говорили о ЕС, трансатлантических отношениях, России или Китае, что было действительно поразительно. Популярный онлайн-инструмент «Wahlomat» для информирования электората о платформах партий также включал всего четыре из 40 вопросов, связанных с внешней политикой, и это еще один явный показатель того, что эти выборы в основном были посвящены внутренней политике.

Тем временем, мы еще не знаем, что на самом деле означают результаты выборов. Очевидно одно: большую неудачу на этих выборах потерпела Христианско-демократическая партия Меркель и ее местный баварский союзник Христианско-социальный союз,

Немецкие и французские солдаты стоят плечом к плечу в Сараево во время церемонии, на которой происходила передача командования миротворческой миссией в Боснии и Герцеговине от НАТО к Европейскому Союзу в 2004 г.

AFP/GETTY IMAGES

который потерял большое количество своих прямых мандатов. С другой стороны, мы видим двух сильных победителей – Зеленых и либералов, которые с точки зрения демографии привлекли наибольшее количество голосов молодого поколения, требующего перемен. Точное направление перемен не совсем понятно, даже в плане внешней политики, но это потребность в переменах.

И последнее замечание: все три партии очень критически относятся к тому, что мы воспринимаем как конкуренцию великих держав, которую они считают одной из главных угроз безопасности Германии и Европы. Их образ мышления о международных отношениях – это не традиционный реалистический подход, сосредоточенный на силе и балансе сил, а скорее два основных вопроса, особенно для молодого поколения: с одной стороны, изменение климата, а с другой – цифровизация и обновление международной экономики для светлого будущего молодого поколения. И для тех, и для других

эта борьба за власть, похоже, стоит на пути к успешной политике. Любопытно увидеть, чем обернутся дискуссии с нашими трансатлантическими партнерами о том, как преодолеть конкуренцию великих держав, не затрачивая слишком много усилий, времени и денег в ущерб другим проблемам.

РОУДС: Это интересная точка зрения, особенно в отношении идеи конкуренции великих держав, или того, что администрация Байдена в большинстве своих документов описывает несколько иной фразой – «стратегическая конкуренция». За этим ключевым вопросом будет следить из Вашингтона, поскольку страны приступают к разработке новой стратегической концепции НАТО, которая частично является ответом на более напористую, агрессивную политику России, и в особенности на усиление Китая как приоритета для США.

У нас был опыт того, как эти вопросы иногда могут привести к напряженности в более широком трансатлантическом поле, потенциально включая политических лидеров здесь, в Германии, когда незадолго до выборов в Германии Австралия, Великобритания и США заключили соглашение о формировании нового

стратегического партнерства в Индо-Тихоокеанском регионе, первой крупной инициативой которого стала покупка Австралией атомных подводных лодок, отменив существующую сделку с Францией на дизельные лодки.

В США считают, что протесты Франции и некоторых политиков ЕС по этому поводу не станут серьезным камнем преткновения для трансатлантического сотрудничества. Некоторые признаки этого наблюдались в течение нескольких недель до и после выборов в Германии. Когда администрация Байдена наконец объявила, что она снова разрешит въезд из Европы, из Шенгенской зоны, в США для вакцинированных путешественников, это стало своего рода оливковой ветвью. Между президентом Байденом и президентом Эммануэлем Макроном также состоялся телефонный разговор, в ходе которого они сказали: «Да, мы могли бы справиться с этим лучше и провести больше консультаций, но нас многое объединяет, а не разделяет, и мы еще поговорим в ближайшие месяцы». Символично также, что, несмотря на первоначальные попытки Франции отложить первое заседание нового трансатлантического Совета по торговле и технологиям США-ЕС в Питтсбурге, оно все же состоялось, при этом было отмечено, что по некоторым вопросам, касающимся цифровой экономики и новых технологий, таких как искусственный интеллект, партнерам по-прежнему важно вести переговоры в формализованных рамках.

Несмотря на это, США по-прежнему обеспокоены тем, что внутренняя политика по обе стороны Атлантики будет оказывать сильное влияние на способность правительств добиться реального прогресса по

Сербские, хорватские, китайские и боснийские флаги развеваются на торговой ярмарке в Мостаре, Босния и Герцеговина. Апрель 2019 г. Китайские инвестиции бурно растут во всех развивающихся странах Центральной и Восточной Европы, испытывающих нехватку денежных средств, несмотря на то, что чиновники Европейского союза пытаются противостоять растущему экономическому и политическому влиянию Пекина. АССОЦИЭЙТЕД ПРЕСС

этой повестке дня, при любом сценарии, который в конечном итоге возникнет для нового правительства в Германии. Это включает в себя влияние на климат, на дальнейший прогресс в борьбе с пандемией, и особенно на некий общий подход к Китаю и стратегической конкуренции.

И здесь стоит обратить внимание на несколько сопутствующих событий в США. Возможно, наиболее срочным и неотложным, как мы сегодня отмечаем, является вопрос о достижении Конгрессом США соглашения о продлении полномочий правительства США на дальнейшее расходование и заимствование денег. Для этих двух аспектов бюджета существовало два параллельных календаря, но они оба довольно быстро подходят к концу. Если центральным элементом внешней политики Байдена, включая стратегическое соперничество, является стремление доказать, что демократические страны соответствуют XXI веку и способны решать проблемы XXI века, то ничто так не обескуражит и не разделит трансатлантических союзников, как новый экономический кризис, вызванный провалом этих бюджетных и долговых соглашений. Это немного выходит за рамки главных новостей, но еще один основной вопрос касается способности обеспечить назначение кандидатов из администрации Байдена на руководящие должности в области внешней политики и политики безопасности.

Этот процесс идет гораздо медленнее, чем при большинстве администраций, отчасти из-за задержки с выдвижением кандидатур, а также из-за блокировки в Сенате США при рассмотрении и голосовании за утверждение различных кандидатов. Небольшой шаг вперед был сделан в последнюю неделю после выборов в Германии, когда одна важная фигура, Карен Донфрид, занимающая пост президента неправительственной организации Германский фонд Маршалла, была утверждена на должность нового старшего сотрудника Госдепартамента, возглавляющего отношения с Европой. Учитывая ее биографию, это как минимум будет человек, имеющий большой опыт в трансатлантических отношениях. Но большинство кандидатур послов и другие кандидатуры остаются в подвешенном состоянии. Сторонники администрации жалуются, что эта неспособность сформировать полноценную команду является одной из причин, затрудняющих координацию на более высоком уровне с партнерами в Европе. Кадровые чиновники, конечно, могут временно исполнять обязанности, но им не хватает полного доверия и авторитета утвержденных кандидатур. Возможно, им не хватает способности проводить «неустанную дипломатию» для решения глобальных проблем, о которой говорил президент Байден в своей речи на Генеральной Ассамблее ООН. Для того чтобы добиться успеха, нужны люди на местах.

Поэтому такие длительные задержки с американской стороны, даже девять или десять месяцев с момента вступления в должность администрации Байдена, могут теперь совпасть с переходным

периодом правительства в Германии. Возможно, этот период окажется короче, чем прогнозируют некоторые, но в любом случае потребуются несколько месяцев, пока продолжатся коалиционные переговоры, прежде чем можно будет приступить к назначению новых высокопоставленных лиц. Хочется надеяться, что такого рода совпадающие или последовательные задержки не слишком помешают прогрессу в поиске формул для решения наиболее приоритетных вопросов, чтобы в следующем году в новой стратегической концепции НАТО и параллельном стратегическом компасе ЕС был, по крайней мере, взаимодополняющий подход.

Рассматривая несколько различных сценариев, которые Вы набросали для новой немецкой коалиции, я также вижу возможный парадокс. Конечно, можно представить, что при некоторых раскладах, будь то принцип «светофора» или что-то другое, новое немецкое правительство будет даже ближе к нынешней американской позиции, чем уходящее правительство во главе с канцлером Меркель, по крайней мере, по некоторым приоритетам, таким как Китай или даже подход к демократии и правам человека. Однако это правительство вполне может оказаться менее устойчивым, либо внутри страны, поскольку оно представляет собой более разнообразную коалицию, либо на международном уровне, поскольку оно не обладает такой долгосрочностью и престижем, которые Меркель принесла в европейскую политику. В этом случае эта власть может быть ближе к позиции США на бумаге, но менее способна обеспечить ощутимую поддержку либо в достижении определенного консенсуса по вопросам внутри Европы, либо в поддержке увеличения военного потенциала для коллективной обороны в отношении России или других угроз. Таким образом, может возникнуть ситуация «с одной стороны, и с другой стороны». Однако важно, где этот баланс может находиться в новом правительстве.

РОЛОФФ: Один из ключевых вопросов, безусловно, связан с обороной и наращиванием потенциала. Основной аргумент заключается в том, что не имеет смысла говорить о 2% ВВП на оборону, не принимая во внимание еще 2% расходов на развитие. Более комплексный взгляд на безопасность меняет это соотношение.

Безусловно, в будущем подобные дебаты будут проводиться гораздо чаще, поскольку именно так Зеленые и часть Социал-демократов смотрят на внешнюю политику и политику безопасности. И, конечно, это также может стать интересной дискуссией в Демократической партии США, где я также вижу подобный раскол во взглядах на международные отношения.

РОУДС: Это, несомненно, станет постоянной задачей. США, Германия и другие члены НАТО сталкиваются с необходимостью адаптации обороны в условиях действительно фундаментальных изменений в экономике, технологии и социальных отношениях. □

НАТО НА СЕВЕРЕ

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: PEE CONCORDIAM

Принятие сбалансированного подхода

Снорри Маттиассон, сотрудник дипломатической службы Исландии и политический советник Объединенного оперативного командования НАТО в Норфолке

ФОТОГРАФИИ АССОЦИИЭЙТЕД ПРЕСС

Первоначально Вашингтонский договор подписали Канада, Дания, Исландия, Норвегия и Соединенные Штаты, в результате чего почти половина Арктического круга оказалась на территории НАТО после создания альянса в 1949 г. Остальная часть арктической территории, за исключением нейтральных Финляндии и Швеции, принадлежала Советскому Союзу. В условиях, когда советский флот был сосредоточен в Балтийском и Черном морях, арктические порты обеспечивали беспрепятственный выход военно-морских сил в Атлантику. По мере того как росло значение межконтинентальных баллистических ракет (МБР), подводных лодок с баллистическими ракетами (БРПЛ) и авиации дальнего действия, этот регион на протяжении всей холодной войны усиленно охранялся обеими сторонами. Хотя Северная Америка входит в территорию НАТО в соответствии со статьей 6 Североатлантического договора, оборона североамериканского континента быстро превратилась в двусторонний вопрос для США и Канады. Основы этого двустороннего соглашения были заложены во время Второй мировой войны, и сегодня эти отношения остаются, пожалуй, самыми сплоченными в Североатлантическом союзе. Таким образом, северная направленность НАТО с самого начала (и до сих пор) была сосредоточена на том, что иногда называют Европейской Арктикой или Крайним Севером.

Во время холодной войны союзники инвестировали значительные средства в военный потенциал и инфраструктуру для сдерживания и, в случае необходимости, защиты от потенциальных советских угроз, исходящих с Кольского полуострова. Подход НАТО к Крайнему Северу, сосредоточенный в основном на севере Норвегии и Фареро-Исландском рубеже (GIUK), был комплексным, несмотря на то, что в остальном альянс ориентирован на сухопутные территории. Фареро-Исландский рубеж, морской шлюз между тремя странами, представлял собой оборонительную линию, отделяющую основную часть советских морских сил от важных трансатлантических линий связи. Во Второй мировой войне битва за Атлантику стала самой продолжительной кампанией войны, имевшей почти катастрофические результаты для союзников, и уже

побудила США инвестировать значительные средства в инфраструктуру на Крайнем Севере. Для сдерживания советских попыток нарушить трансатлантические линии связи союзники разработали не только возможности, но и структуры и объекты, необходимые для победы в потенциальной третьей битве за Атлантику. Верховный главнокомандующий НАТО в Атлантике и подчиненные ему командиры сыграли ключевую роль в повышении осведомленности о советской подводной угрозе в альянсе, который часто критиковали за «морскую слепоту». К концу холодной войны ВМС США изменили свой подход, оказав давление на советский флот в более северных районах в рамках своей морской стратегии 1980 г., заставив Советский Союз пересмотреть предположения о потенциальном конфликте с Западом.

АРКТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

После распада Советского Союза эта конфронтационная динамика значительно смягчилась. НАТО по понятным причинам изменила свой подход к новой Российской Федерации и наладила партнерские отношения с бывшими членами Варшавского договора. Действительно, основополагающий Акт НАТО-Россия, подписанный в 1997 г. после окончания холодной войны, был конкретно направлен на изменение этих отношений в плане консультаций и сотрудничества. Экономические проблемы постсоветской России потребовали резкого сокращения расходов на оборону, и российский Северный флот сократил как количество платформ, так и оперативную активность сохранившихся платформ. В целом, отношения с Россией претерпели фундаментальные изменения, в результате которых Северная Атлантика оказалась практически неоспоримой. Члены НАТО в полной мере воспользовались преимуществами мирного дивиденда, сократив собственные оборонные бюджеты и постепенно расформировав элементы структуры командования НАТО (НЦБ), которые на протяжении всего периода холодной войны были сосредоточены на советской угрозе.

Благодаря оливковой ветви, первоначально протянутой советским лидером Михаилом Горбачевым

в 1987 г., Арктика воспользовалась передышкой в геополитике, позволившей наладить трансграничное сотрудничество и мирный диалог между бывшими противниками, стремящимися к восстановлению отношений. Во многом это сотрудничество было связано с запоздалыми мерами по защите окружающей среды, которые можно было реализовать благодаря вновь обретенному духу сотрудничества, и в конечном итоге вылилось в создание Арктического совета, а также Баренцева Евро-Атлантического совета и Совета государств Балтийского моря. Все три организации стали площадками для конструктивного диалога с Россией под эгидой регионального сотрудничества, способствуя укреплению доверия, снижению напряженности и решению общих проблем. Арктический совет не был уполномочен обсуждать военные вопросы, но в то время это не вызвало серьезных возражений, учитывая теплые отношения с Россией. На самом деле, основание Арктического совета в 1996 г. вообще не было широко освещено, потому что внимание мира было сосредоточено на других вопросах и регионах. Этот диалог и новые структуры положили начало эре спокойного сотрудничества, которое было точно описано как «Крайний Север, низкая напряженность».

Военно-морского колледжа США, Фареро-Исландский рубеж, который когда-то был очагом противостояния между Востоком и Западом, теперь все чаще становится местом дополнительной динамики между Севером и Югом. В условиях, когда ускоряющееся изменение климата открывает возможности для создания новых судоходных путей через ранее непроходимые маршруты, которые могут значительно сократить время путешествия из Азии в Европу, взоры всего мира обратились к Арктике.

РОССИЯ И КИТАЙ В АРКТИКЕ

Несмотря на то, что сотрудничество с Россией в других областях практически сошло на нет после ее вторжения и аннексии Крыма в 2014 г., арктические государства добились значительных успехов в поддержании сотрудничества и диалога. Сотрудничество продолжается отчасти благодаря исключению военных вопросов из мандата Арктического совета, и несмотря ни на что, регион остается хорошо управляемым. При яростном освещении «потепления» Арктики часто забывают, что стабильная, безопасная Арктика в основном отвечает интересам всех арктических государств, включая Россию, и это отражается

во всей их арктической политике. Международная граница Российской Федерации составляет 60 тыс. км, а Северо-восточный проход, который вскоре станет судоходным, предлагает не только новую и привлекательную альтернативу Суэцкому каналу, но и границу протяженностью в 25 тыс. км, которую необходимо обезопасить и защищать.

Хотя ученые и эксперты расходятся во мнениях относительно намерений, стоящих за перестройкой военной инфраструктуры России вдоль Северо-Восточного прохода, не может быть никаких сомнений относительно возможностей ее объектов в этом регионе и пренебрежения Россией международным правом в Европе. Норвегия возглавила работу по анализу современной

российской концепции защиты оборонительных зон и выразила обеспокоенность по поводу ее потенциального влияния на безопасность союзников. Когда адмирал ВМС США Джеймс Фогго, в то время командующий 6-м флотом США, говорил о российских подводных лодках, «рыскающих по Атлантике, проверяющих нашу оборону», он имел в виду силы обновленного Северного флота России, идущие от Кольского полуострова через Медвежий рубеж и Фареро-Исландский рубеж в Атлантику.

Китайские войска маршируют в 2018 г. во время совместных с Россией учений, охватывающих Сибирь, Дальний Восток и Арктику.

Но этот взгляд на Арктику все чаще подвергается проверке со стороны экспертов и наблюдателей, поскольку регион переходит от спокойного сотрудничества 1990-х гг. к растущему стратегическому значению сегодняшнего дня. Регион изменился: ускоряющиеся последствия изменения климата и растущее глобальное влияние Китая открывают новые возможности для стратегической конкуренции. Это создает новую трансполярную геополитическую динамику в Арктике; как убеждает Ребекка Пинкус, доцент

ПРИСУТСТВИЕ КИТАЯ

Дискуссии об активности Китая в Арктике, несмотря на преувеличения и неточности, вызвали в арктических столицах обеспокоенность по поводу долгосрочных намерений Китая. Это нашло свое отражение в подходе администрации бывшего президента США Дональда Трампа на министерской встрече Арктического совета в 2019 г. в Рованиеми (Финляндия), который дошел до администрации нынешнего президента США Джо Байдена и нашел отклик у многих союзников. Как часто говорит о Китае Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг: «Мы видим их в Африке, мы видим их в Арктике». Китай активизировал свою экономическую, научную и дипломатическую деятельность на Крайнем Севере, часто под знаменем «Полярного шелкового пути» – северного компонента своей программы «Пояс и путь». Пресловутое самопровозглашение Китая «приарктическим государством» вызвало беспокойство – и не только среди арктических членов НАТО. На саммите в Брюсселе в 2021 г. лидеры НАТО утвердили коммюнике, в котором прямо говорилось о беспокойстве союзников по поводу заявленных амбиций Китая, его напористого поведения и потенциальной угрозы для международного порядка, основанного на правилах.

РЕАКЦИЯ НА ИЗМЕНЕНИЯ

Игнорирование этих событий на Крайнем Севере было бы неразумным. Но в то же время чрезмерное реагирование на естественное развитие меняющихся национальных интересов в Арктике было бы нецелесообразным и даже могло бы привести к непреднамеренной эскалации. Большинство национальных и научных оценок угроз считают угрозой конфликта в Арктике низкой, но отмечают, что вспышка конфликта в других регионах может перекинуться на уязвимую Арктику. Первоначально при рассмотрении Арктики после холодной войны союзники разошлись во мнениях о том, какую роль должна играть НАТО, если вообще должна. Вначале основное внимание уделялось менее традиционным (но не менее актуальным) вопросам безопасности, таким как последствия изменения климата или координация поисково-спасательных операций в изолированных регионах. Но за последнее десятилетие это расхождение во взглядах постепенно сгладилось, что было вызвано обеспокоенностью союзников стремительно ускоряющимся изменением климата, активностью России и возросшим международным интересом к региону. На саммите в Страсбурге-Келе в 2009 г. НАТО упомянула о событиях на Крайнем Севере, отметив повышенное внимание международного сообщества и связанные с безопасностью события (включая изменение климата) после симпозиума высокого уровня по арктической безопасности, организованного Исландией.

В 2008 г. Норвегия выдвинула «Инициативу по основным зонам» – кампанию по укреплению и регионализации NCS и возрождению коллективной обороны в Европе. По ее мнению, хотя операции за пределами региона важны для поддержания безопасности евроатлантической зоны, нельзя забывать или игнорировать основной регион. Инициатива была подкреплена норвежскими оценками угроз, научными трудами и активным лоббированием со стороны норвежского гражданского и военного руководств. Шесть лет спустя инициатива по созданию основной зоны оказалась пророческой, поскольку события на Украине в корне изменили представления о целостной, свободной и безопасной Европе.

С ростом стратегической значимости Арктики появилось множество статей об этом регионе, которые довели некоторых журналистов и экспертов аналитических центров до исступления. На самом деле, существует так много необоснованных «горячих версий» о холодном регионе, что среди экспертов по Арктике сложилась субкультура, высмеивающая чрезмерные упрощения и преувеличенные выводы о российских или китайских заговорах с целью мирового господства через таяние морского льда или бесконечные запасы углеводородов, ожидающих добычи на Северном полюсе. (См., например, статью Хэтер Эксно-Пиро «Как написать арктическую историю за 5 простых шагов» на сайте «ArcticToday» в 2018 г.). Многие из этих «арктических» статей носят весьма предписывающий характер, с подробными предложениями о том, какие действия должна предпринять НАТО, какие новые структуры или постоянные арктические силы она должна создать, чтобы справиться с конфликтом, который, судя по всему, уже разгорается. Однако на практике реальное положение дел не всегда отражает некоторые из этих драматических описаний. В тех же статьях часто критикуют альянс за бездействие, но продуманный подход НАТО к Арктике отражает преимущества альянса, действия которого определяются регулярными политическими консультациями по вопросам безопасности между 30 его членами. Это позволило арктическим союзникам коллективно защититься от риска чрезмерной реакции в чувствительном регионе. Тем не менее, со временем альянс предпринял ряд продуманных шагов для обеспечения свободы и безопасности граждан своих стран-членов на Крайнем Севере, как с точки зрения решений, принятых альянсом, так и с точки зрения действий, предпринятых союзниками.

РОЛЬ НАТО

Первым шагом для НАТО стало повышение ситуационной осведомленности в условиях меняющейся Арктики. В обширном регионе, большая часть которого покрыта океаном, с ограниченной инфраструктурой и населением, крайне важно, чтобы альянс не позволил противнику получить какое-либо преимущество за счет

незамеченной деятельности. Улучшение ситуационной осведомленности достигается за счет увеличения присутствия союзных государств в виде новых инвестиций в средства разведки, наблюдения и рекогносцировки, платформы противолодочной войны (ПЛО) и развертывания, которые проверяют способность существующих сил действовать в суровых условиях. Изменения в NCS также позволили НАТО играть координирующую роль в национальной деятельности, повышая эффективность сил альянса и снижая риск просчетов. Это поможет союзникам и главным комитетам НАТО принимать обоснованные решения в условиях мира, кризиса и конфликта.

Российский солдат идет мимо радиолокационной станции в районе Нагурского, Россия. Самый северный военный аванпост страны оснащен ракетами, радарными и военными самолетами, тем самым демонстрируя влияние Москвы в Арктике.

В 2016 г. лидеры на Варшавском саммите инициировали Адаптацию структуры командования НАТО для того, чтобы NCS вновь стала соответствовать целям в изменившихся условиях безопасности. Два года спустя союзники договорились о создании двух новых командований: Объединенное командование поддержки и обеспечения, чтобы обеспечить свободу операций и устойчивость в тыловой зоне, и Объединенного оперативного командования (JFC) в Норфолке, чтобы сосредоточиться на защите трансатлантических линий связи. В то же время ВМФ США восстановил 2-й флот, тесно интегрированный с JFC в Норфолке через своего командующего, имеющего двойные полномочия. В том же году НАТО провела учения «Единый трезубец 2018» (TRJЕ18), которые являются самыми крупными с момента окончания холодной войны. При проведении «TRJЕ18» Норвегия имела возможность отработать свои собственные планы национальной обороны, концепцию поддержки принимающей страны и концепцию тотальной

обороны. Другие учения, как НАТО, так и национальные, по-прежнему направлены на север, поскольку союзные силы развивают свой потенциал для действий в этой суровой и сложной среде. «Dynamic Mongoose», учения по ПЛО под руководством НАТО, теперь проводятся поочередно в Исландии или Норвегии. Были восстановлены или активизированы такие национальные учения, как «Cold Response», «Joint Warrior» и «Northern Viking». В 2019 г. НАТО приняла новую военную стратегию в рамках более широкой адаптации к изменившимся условиям безопасности. На основе этой стратегии союзники утвердили как концепцию практической реализации стратегии,

так и рамки для развития военного инструмента НАТО. Этот подход в своей основе охватывает весь театр военных действий, принимая во внимание не только отдельный регион, но и, что очень важно, всю зону ответственности Верховного главнокомандующего союзными войсками в Европе. Таким образом, НАТО способна решать региональные проблемы и осуществлять взаимодействие между регионами в соответствии с основополагающими ценностями НАТО в виде общей цели и «кругового» подхода к коллективной обороне.

ДЕЙСТВИЯ СОЮЗНИКОВ

Помимо структурной адаптации НАТО, с 2014 г. союзники неуклонно увеличивают оборонные бюджеты в соответствии с Обязательством по инвестициям в оборону. Это крайне важный шаг, поскольку многие возможности и платформы, необходимые для успешного сдерживания в Северной Атлантике, были выведены из эксплуатации после холодной войны, а ключевые знания и опыт были утрачены. Несколько союзников выделили средства на финансирование тех сил и платформ, которые имели решающее значение для противостояния в Северной Атлантике и Арктике во времена холодной войны. Сегодня, как и во времена холодной войны, подавляющее большинство военных действий в Северной Атлантике осуществляется на национальном уровне, а не формально в рамках операции НАТО. Однако союзники все чаще координируют эти национальные действия под «зонтиком» НАТО и обеспечивают обмен информацией, тем самым способствуя повышению общей готовности альянса и осведомленности об обстановке. Эта деятельность, возглавляемая национальными военными штабами, затем объединяется и координируется с деятельностью НАТО, как

например, регулярные миссии по охране воздушного пространства в Исландии или гибкие постоянные военно-морские силы НАТО.

США играют ведущую роль на Крайнем Севере, увеличивая с 2014 г. количество военных контингентов, направляемых арктическим союзникам и партнерам. Эти усилия подкрепляются шквалом арктических стратегий: сухопутные, десантные, военно-морские и военно-воздушные силы были развернуты на севере для развития потенциала операций в регионе и укрепления позиции сдерживания и обороны. США также активизировали существующие экономические и дипломатические связи, которые лежат в основе сплоченности альянса (вспомните статью 2 Североатлантического договора), подписали необязательное трехстороннее соглашение о безопасности с Финляндией и Швецией в 2018 г. и наладили отношения с правительством Гренландии. И хотя ни Великобритания, ни Франция не являются арктическими странами, обе они проявляют интерес к событиям на севере, сотрудничая с союзниками в развитии потенциала в условиях холодной погоды и проводя совместные развертывания своих подразделений. Особенно это касается морской сферы, где британские суда работают в Баренцевом море, а в 2018 г. французское судно «BSAN Rhône» прошло через Северо-восточный проход.

Меньшие по размеру союзники, такие как Норвегия и Дания, в силу географических особенностей всегда сохраняли военное присутствие на Крайнем Севере и сохраняли возможности, которые другие союзники вывели из состава вооруженных сил. Норвежские военные учения «Холодный ответ 2022», по словам министра обороны страны, станут крупнейшими военными учениями за Полярным кругом Норвегии с 1980-х гг., в которых примут участие 40 тыс. военнослужащих. В Норвегии также действует Центр передового опыта НАТО – операции в условиях холодной погоды, который нацелен на развитие способности Североатлантического союза проводить операции в условиях экстремального холода. В 2020 г. Объединенное арктическое командование Дании в Нууке, в Гренландии, подписало меморандум о взаимопонимании с Союзным морским командованием для формирования общего понимания ситуации в регионе. В феврале 2021 г. Дания объявила о выделении нового пакета арктического потенциала в размере 240 млн. долл. США на развитие разведки, наблюдения и рекогносцировки, а также на расширение своего присутствия в Гренландии, в рамках усилий НАТО, на Фарерских островах и вокруг них.

Саммит в Брюсселе в 2021 г. заложил основу для дальнейшей адаптации НАТО к постоянно меняющимся условиям безопасности. Лидеры стран НАТО договорились усилить политические консультации и рассмотреть влияние изменения климата на безопасность – решения, которые будут способствовать

повышению способности НАТО решать проблемы Крайнего Севера. Пересмотр стратегической концепции дает союзникам возможность поразмышлять и пересмотреть подход НАТО не только к Северу, но и к Востоку, Югу и Западу. В коммюнике содержалось осторожное упоминание Крайнего Севера, где НАТО «продолжит предпринимать необходимые, выверенные и скоординированные действия в поддержку интересов безопасности альянса». Это заявление не было обособленным от других регионов, а являлось частью оценки сложной обстановки в сфере безопасности во всем регионе ответственности Главнокомандующего объединенными силами НАТО в Европе, что соответствует «круговому» подходу НАТО к безопасности и обороне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В основе НАТО лежит концепция «один за всех, все за одного». НАТО должна заниматься и занимается вопросами безопасности и обороны Крайнего Севера так же, как она занимается вопросами безопасности и обороны в других регионах. При этом особое внимание уделяется сбалансированному подходу, с учетом региональных особенностей и с использованием местных нюансов мышления, чтобы не допустить провокаций или эскалации. В контексте Крайнего Севера это неоднократно подчеркивалось высшим руководством НАТО, и этому способствует активная работа пяти арктических союзников в комитетах и коридорах штаб-квартиры НАТО и в NCS. Эти пять стран также могут стать лидерами в развитии ситуационной осведомленности в любом назревающем кризисе, что позволит Североатлантическому совету достичь своевременного и обоснованного консенсуса.

Задача НАТО на Крайнем Севере проста: не верить слухам, но и не игнорировать их. Посредством решений, принимаемых на основе консенсуса, НАТО применяет сбалансированный подход к изменениям, которые могут обеспечить свободу и безопасность граждан стран-членов при сохранении низкого уровня напряженности на Крайнем Севере. Позволяя даже самым маленьким странам-членам нажать на тормоза, НАТО гарантирует, что все ее решения и действия отражают коллективную волю 30 союзников. Конечно, такой подход порой кажется медленным и неэффективным, но когда дело доходит до формулирования политики и доктрины, он позволяет тщательно и скоординировано адаптироваться, что послужит источником информации для Североатлантического совета во время кризиса. Именно такой подход, подразумевающий «медленную и стабильную победу», является одной из ключевых причин продолжительного успеха альянса. □

Примечание редактора: Эта статья была написана до эскалации незаконной агрессии России против Украины в феврале 2022 г. и до того, как Финляндия и Швеция получили приглашение вступить в НАТО.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИЦЕЙСКИМИ МЕРАМИ

НАТО УПУСКАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ?

Полковник Джузеппе Де Маджистрис, директор, и Стефано Бергонзини, секретарь-референт,
Центр мастерства НАТО по обеспечению стабильности полицейскими мерами

Организация Североатлантического договора – это военно-политическая международная организация, действующая инновации и преобразования для соответствия поставленным задачам. Это является фундаментальным аспектом альянса, считающегося наиболее успешным за всю историю. «Альянс функционирует, – отметил генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг в 2019 г., – поскольку все эти десятилетия его члены сохраняли обязательство охранять и защищать друг друга и адаптировались к переменам окружающего их мира». Действительно, вызовы безопасности, такие как гибридные угрозы, сочетание преступности и войн, а также терроризм и повстанческое движение, угрозы правам человека, человеческой безопасности и культурной собственности значительны и, скорее всего, приобретут ещё большую актуальность в будущем. Это же можно сказать и об явлении, которое авторы вышедшей в 2016 г. книги «Переигранные: возвращение стратегической инициативы в «серой зоне» назвали «вызовами «серой зоне», которые являются относящимися к обороне вопросами, имеющими три общие черты – гибридный характер, угрозу оборонным и военным соглашениям и сильный парализующий эффект недопонимания опасности». Также необходимы возможности промежуточных сил, которые будут находиться выше уровня простого присутствия, но ниже порога применения летальной силы для того, чтобы обеспечивать безопасность, но при этом избегать существенного побочного ущерба.

Решение этих проблем требует инновационного подхода и обеспечения стабильности полицейскими мерами (SP). Это относящиеся к полицейским функциям мероприятия, принимаемые полицией меры, укрепляющие или временно заменяющие местные полицейские силы и способствующие восстановлению и/или поддержанию общественного порядка и безопасности, верховенства закона и защиты прав человека. Эти передовые возможности у НАТО имеются. Они представляют собой гибкий и адаптивный инструмент, который позволяет избежать применения военной силы и предлагает новаторские и масштабируемые ответные меры путем введения военных компонентов в сферу полицейских функций и активного участия в комплексном подходе.

«Брешь в функциях полиции» и появление SP

Служба SP впервые появилась с размещением первого Многонационального специализированного подразделения (MSU) в Боснии в августе 1998 г. в составе Сил стабилизации НАТО (СФОР). В то время альянс осознал, что ни его военная мощь, ни местная полиция, ни гражданская полиция ООН не были в состоянии обеспечивать требования местного населения относительно безопасности и выполнения полицейских функций. MSU – спроектированные, разработанные и возглавленные итальянской Службой карабинеров при поддержке

Аргентины, Голландии и Соединенных Штатов – были единственным полицейским инструментом в рамках СФОР, который был достаточно гибким и надежным, чтобы заполнить образовавшийся вакуум в правоохранительной системе в условиях враждебного окружения. Это означало, что необходимо было заполнить пустоту, образовавшуюся в стране между нуждами населения в плане безопасности и неспособностью или нежеланием национальных полицейских сил и других соответствующих субъектов (ООН, Европейский союз, Африканский союз и др.) и натовских конвенциональных боевых средств, чтобы должным образом отреагировать на эти проблемы.

Личный состав отрабатывает методы сдерживания толпы и борьбы с участниками беспорядков в учебном центре в г. Виченца, Италия.

ЦЕНТР МАСТЕРСТВА НАТО ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИЦЕЙСКИМИ МЕРАМИ

Авторы этой статьи гордятся тем, что они служили в качестве офицеров военной полиции (ВП) НАТО. Действительно, военная полиция существовала и до этого в рамках НАТО и ООН, но ни одна из этих международных организаций не прилагала усилий к тому, чтобы повысить, расширить или улучшить свои ВП-возможности для заполнения возникающих брешей в выполнении полицейских функций. На самом деле они стремились создать новаторский более острый инклюзивный инструмент, а именно SP. SP и ВП объединяет их принадлежность к сфере полицейских функций, что способствует повышению эффективности НАТО как военного инструмента, добавив полицейский аспект, который до этого недооценивали или упускали из виду.

В 2016 г. НАТО обнародовала свою «Союзную совместную доктрину обеспечения стабильности полицейскими мерами» (AJP-3.22). В ней указывается, что SP может заполнить брешь в полицейских функциях путем выполнения одной или двух основных своих задач. Одна из этих задач – подкрепление сил национальной полиции – предполагает вмешательство с целью повысить их возможности и способности и поднять их общее функционирование до приемлемого уровня и включает в себя

Учащиеся учатся методам снятия отпечатков пальцев в ходе курса по обеспечению сохранности места преступления.

ЦЕНТР МАСТЕРСТВА НАТО ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИЦЕЙСКИМИ МЕРАМИ

мониторинг, наставничество, консультативную помощь, обучение и совместную партнерскую работу. Вторая задача – временная замена сил национальной полиции – может выполняться тогда, когда местная полиция либо отсутствует, либо отказывается выполнять свои обязанности. Как правило, Североатлантический совет принимает решение о размещении в стране личного состава на основании исполнительного мандата ООН на выполнение полицейских функций. Это может быть необходимым в тех случаях, когда у других субъектов отсутствуют возможности, желание или готовность вмешаться в ситуацию. В действительности, когда требуется быстрое вмешательство полицейских сил, особенно при неблагоприятной обстановке, SP НАТО является наиболее подходящим или вообще единственным возможным решением до тех пор, пока не смогут вмешаться другие субъекты из международного сообщества и поддержать или сменить SP, в зависимости от резолюции Совета Безопасности ООН или запроса принимающего государства.

SP может создать новаторские пути решения традиционных и новых появляющихся военных проблем при помощи различных полицейских средств и методов. Летальные/кинетические инструменты и процедуры получают поддержку, когда это уместно, полицейскими, некинетическими и менее летальными средствами, существенно повышая гибкость при использовании силы и применении возможностей промежуточных сил. Эти

инструменты нацелены против военных преступников, организованной преступности, международных преступников, террористов и повстанцев, а также нарушителей законов принимающей страны и международного права. Такое законное преследование и обеспечение соблюдения международных законов и правовых норм принимающей страны наносит противникам ущерб посредством проведения расследований или арестов, ограничения передвижения или свободы нарушителей, конфискации их активов и финансовых средств и разрушения их преступных сетей и структур. Целевые направления операций SP или элементы SP в целевых направлениях операций могут сдерживать, идентифицировать, определять место нахождения, выбирать в качестве цели и устранять противников и спойлеров, разрушать их сети и способствовать достижению целей на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях в ходе военной кампании.

Дополнительная выгода такого подхода состоит в дальнейшем снижении использования силы и сокращении побочного ущерба при организации ответа на нужды населения в сфере безопасности. Более того, он олицетворяет собой конструктивный подход к обеспечению безопасности и способствует достижению принятия легитимных мер на всех уровнях – от местного до международного – одновременно с этим повышая устойчивость и стабильность миссии. SP проводит дополнительную работу по получению, сбору и анализу информации,

относящейся к правоохранительным органам и преступности, и делится разведывательной информацией, тем самым улучшая понимание оперативной обстановки. Ряд факторов может ослабить функционирование местной полиции в неустойчивых государствах, включая прошлые, нынешние и назревающие конфликты, а также техногенные или природные катастрофы. Слабая или отсутствующая правоохранительная система, в которой люди, общественные и частные образования и государство не несут ответственность перед законом в сочетании с хрупкой и неустойчивой системой правосудия (полиция, суды и исправительные учреждения), скорее всего, будут оказывать негативное влияние на эффективность работы местной полиции. Такая ситуация, скорее всего, будет затруднять управление страной и создавать вакуум власти и правоохранительной деятельности, что может быть использовано в своих интересах преступниками, террористами и повстанцами и привести к существенному ослаблению безопасности и стабильности.

Представляя собой военные возможности, предпочитающие подход, ориентированный на нужды населения, служба SP выполняет задачи по стабилизации обстановки и восстановлению порядка, урегулированию кризисных ситуаций и использует комплексные меры для обеспечения безопасности людей. Она также стремится установить максимально высокий уровень взаимодействия с другими международными организациями, принимающей страной и особенно с местными полицейскими силами и местным населением, а также с другими субъектами, включая неправительственные организации.

SP: Когда, где, как и кто?

Способствует ли SP укреплению стабильности? Есть мнение, что SP не может внести вклад в выполнение трех ключевых задач НАТО – коллективную оборону, урегулирование кризисных ситуаций и коллективную безопасность – поскольку ее функции в основном сосредоточены на операциях по поддержанию стабильности, чтобы заполнить образовавшуюся брешь в работе полицейских органов. В то же время эволюционирующие доктринальные рамки содержат предположение, что все наступательные и оборонительные операции, а также операции по восстановлению стабильности охватывают элемент стабильности, оказывая поддержку оборонительным и наступательным действиям, которые со временем могут перейти в компетенцию SP, хотя и будут ограничены только сферой полицейских функций.

На самом деле, история показывает, что SP может и должна применяться во всем спектре конфликтов и кризисных ситуаций и во всех оперативных форматах (от военных функций в мирное время до участия в боевых действиях), а также до, во время и после вооруженных конфликтов и техногенных или природных катастроф, поскольку ослабленной принимающей стране может потребоваться помощь в заполнении бреши

в выполнении полицейских функций. Точно также SP способствует достижению победы в войне, оказывая влияние на противников и врагов и добиваясь установления мира, что является чрезвычайно важным аспектом во взаимосвязанном, глобализованном мире. Стремление к установлению стабильности является ключевым фактором в предотвращении и сдерживании кризисов, в том числе вооруженных конфликтов, и его нельзя игнорировать при рассмотрении требований к полицейским функциям. При выполнении этой задачи SP является надежным и важным инструментом и дополняет усилия других субъектов, что неоднократно было продемонстрировано при выполнении операций и миссий НАТО.

Военные полицейские НАТО учатся обеспечению сохранности места преступления на учебном полигоне Лонгар в г. Виченца, Италия.

ЦЕНТР МАСТЕРСТВА НАТО ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИЦЕЙСКИМИ МЕРАМИ

Хотя SP характерна определенная «приземленность», ее действия не ограничиваются одной какой-то сферой. Преследуя преступников, террористов и повстанцев, служба SP должна быть активной на суше, на море, в воздухе, в киберпространстве и на информационном поле. Преимущественная часть людей уже располагается и в дальнейшем будет расселяться именно в городах и прибрежных зонах. Поскольку между людьми возникают конфликты, и зачастую на эти кризисные ситуации первой реагирует именно полиция, то возрастает важность использования ее знаний и опыта. Сложности городского устройства все больше размывают грань между функциями военных и полиции в городских районах, поскольку их сферы ответственности пересекаются. В свою очередь, проведение военных операций в районах с высокой плотностью гражданского населения потребует от военных навыков, которыми обладают полицейские. В целом, успешное взаимодействие между обычными военными и полицейскими компонентами потребует оперативную совместимость, что будет гарантировать их готовность, наличие

и совместное размещение в районах с благоприятной и неблагоприятной обстановкой.

Главный принцип SP гласит, что «любой может внести вклад в SP, но не любой способен на все». Функции полицейских на самом деле очень отличаются от функций военных, особенно в нестабильных государствах. Базовые направления деятельности SP – такие как патрулирование и обеспечение безопасности критически важных объектов и избирательных участков во время выборов – могут осуществляться любым обученным и оснащённым подразделением, перед которым поставят соответствующую задачу. SP более высокого уровня, например, расследование преступления, совершенного организованной группировкой, нарушение работы международных террористических сетей или консультирование старших руководителей принимающей страны, требует значительного уровня знаний, опыта и навыков. Широкий спектр сил может и должен вносить вклад в SP, в том числе и силы типа жандармерии – что является наиболее предпочтительным выбором – военная полиция и другие военные силы. При всестороннем подходе в SP могут участвовать и невоенные субъекты, такие как полицейские сотрудники с гражданским статусом, международные организации, неправительственные организации и подрядчики. Такая инклюзивность способствует повышению оперативной совместимости, дает альянсу возможности выбрать наиболее подходящий контингент и исключает вероятность упущенных возможностей.

Истребитель F-16 Королевских ВВС Нидерландов, видимый из окна другого самолета, участвует в задании воздушного полицейского патрулирования Балтики в воздушном пространстве Литвы. 2017 г. АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

«Отсутствующий» потенциал: почему НАТО необходима концепция SP

У НАТО отсутствует потенциал, который идеально определяет требования к SP в рамках, охватывающих такие аспекты как доктрина, организация, обучение, оснащение, руководство, личный состав, помещения и

оперативная совместимость (DOTMLPFI). В процессе набора контингента страны могут предоставить SP личный состав, не имеющий опыта работы в полиции, поскольку SP еще не признана в качестве возможного потенциала в Процессе оборонного планирования НАТО (NDPP). История показывает, что SP должна быть включена в процесс планирования с самого начала, и что нехватка специалистов и опытных полицейских, способных укрепить или временно заменить местные полицейские силы, может иметь катастрофические последствия. Рассмотрение требований целенаправленного подразделения SP во время следующего цикла NDPP и назначение одного конкретного члена НАТО ответственным за выполнение этих требований гарантирует наличие требуемых возможностей при наборе личного состава. В рамках НАТО эта концепция представляет собой инструмент, способный полноценно заполнить брешь в существующих возможностях. К сожалению, эта концепция для SP пока еще не принята.

Процессу одобрения концепции SP присущи определенные сложности, включая различия между структурой полицейских сил в различных странах НАТО (военно-гражданский статус, полномочия, юрисдикция, законодательные рамки и определенные оговорки на национальном уровне). Руководящий принцип всегда должен состоять в том, что сила альянса в его сплоченности и в объединенном разнообразии участия всех его членов, что представляет собой несоизмеримо более мощную силу, чем просто сумма индивидуальных возможностей всех стран-членов. Есть мнение, что наличия доктрины АJP-3.22 вполне достаточно, и в целенаправленной концепции SP нет необходимости. Однако, доктрина представляет собой лишь один из восьми аспектов DOTMLPFI, необходимых для определения возможностей.

Центр мастерства НАТО по обеспечению стабильности полицейскими мерами

Центр мастерства НАТО по обеспечению стабильности полицейскими мерами (NSPCoE) – это «мозговой трест», включающий центральное управление и три основных подразделения: Отдел доктрины и стандартизации, разрабатывающий концепции и способствующий расширению натовских доктринальных материалов, включающих мнения и взгляды относительно SP, в том числе разработку концепции SP, пересмотр доктрины АJP-3.22 и составление проекта совместной публикации тактического уровня АТР-103; Отдел боевой подготовки и учений, разрабатывающий учебные программы и организующий курсы по тематике SP и участвующий в проведении учений; и Отдел передового опыта, накапливающий весь полученный опыт и делящий работу на циклы в соответствии с усвоенными уроками и загружающий приобретенный в ходе операций и подготовки опыт в базу данных и использующий его, в конечном

Полковник Джузеппе Де Маджистрис, директор Центра мастерства НАТО по обеспечению стабильности полицейскими мерами, обращается к слушателям курса по обеспечению сохранности места преступления в г. Виченца, Италия. ЦЕНТР МАСТЕРСТВА НАТО ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИЦЕЙСКИМИ МЕРАМИ

итоге, в разработке доктрины. NSPCoE представляет собой сосредоточение опыта и знаний, относящихся к тематике SP, и стремится к тому, чтобы стать контактной организацией альянса в отношениях с международными организациями и институтами за пределами НАТО, которые также занимаются вопросами SP. Свой вклад в работу NSPCoE вносят такие страны как Чешская Республика, Франция, Греция, Италия, Голландия, Польша, Румыния, Испания и Турция.

Что SP может сделать для НАТО?

Вот уже более двух десятилетий служба SP под разными названиями присутствует в возглавляемых НАТО операциях, зачастую во враждебной обстановке. Другие международные организации, такие как ООН, ЕС и Африканский Союз, выполняли и все еще выполняют операции SP, хотя и имеют другие названия и полномочия. Несмотря на это, служба SP все еще недостаточно известна, понята и воспринята, даже в структурах НАТО.

Полицейский надзор за местным населением или создание/возрождение местных полицейских сил не входит в число приоритетных задач руководителей НАТО. В отдельных случаях они считаются исключительной компетенцией других субъектов, в том числе и гражданских организаций. Это ошибочный подход, особенно учитывая то, что такие организации не могут быть размещены во враждебно настроенной среде, что может привести к образованию или углублению бреши в выполнении полицейских функций. Этот подход постепенно меняется, хотя и очень медленно. Увоенные уроки показывают нам, что игнорирование или откладывание скоординированных действий по ликвидации этой бреши в полицейских функциях неизбежно влияют на выполнение миссии, задерживают или мешают достижению

конечных целей НАТО и могут привести к тому, что силам НАТО не удастся прекратить ведение боевых действий в принимающей стране. Полицейские силы являются наиболее видимым проявлением существования любого правительства, поскольку это институт, который призван обеспечивать безопасность населения, поддерживать правопорядок и реагировать на запросы населения о помощи по широкому кругу вопросов. Отсутствие эффективных, дееспособных и заслуживающих доверия полицейских сил подрывает авторитет любого правительства, что негативно сказывается на его легитимности и на стабильности страны в целом. Чаще всего от всех тягот от этих недостатков страдает, в основном, гражданское население. Такие ситуации особенно характерны для нестабильных государств и в районах, где имеет место кризисная ситуация или конфликт, и в которые для предотвращения эскалации кризиса и поддержки в восстановлении мира может быть призвано международное сообщество, в том числе НАТО.

Военные операции НАТО получают выгоды от включения в них SP в качестве существенных дополнительных сил, которые сосредотачивают свое внимание на работе местных полицейских органов и на местном населении. Задача SP состоит в поддержке создания или восстановления стабильной и безопасной ситуации – восстановление общественного порядка и безопасности – и в способствовании созданию условий для удовлетворения долгосрочных потребностей, относящихся к управлению страной и ее развитию (особенно посредством реформ сектора безопасности). На практике SP поддерживает создание государственных институтов и способствует становлению местных полицейских сил для того, чтобы удовлетворить запросы населения в сфере безопасности и повысить сплоченность и жизнестойкость пострадавшей

Работник Комитета Красного Креста помогает мигранту сойти с норвежского танкера, спасшего его в Средиземном море, являющемся активно используемым маршрутом для торговли людьми, связывающим Северную Африку и Европу. 2016 г. АССОЦИЭЙТЕД ПРЕСС

нации. В долгосрочной перспективе альянс в целом (его народы, а также структуры, институты и процессы) только выиграют от перехода на образ мышления, больше свойственный полицейским. Конечные цели НАТО в проводимых операциях, возможно, будут достигнуты быстрее, если альянс сосредоточит усилия не на нанесении противнику поражения при помощи обычных вооружений, а на более интегрированных невоенных подходах. Это особенно относится к районам с высокой плотностью населения, таких как городские кварталы и прибрежная зона, где необходимо обращать пристальное внимание на настроения населения и где опыт выполнения полицейских функций в среде гражданского населения будет несомненным плюсом.

Для защиты гражданского населения, как это определено в «Политике по защите гражданских лиц» (РоС), в которую также включен и аспект SP, «необходимо принять все возможные меры для избежания, минимизации и смягчения ущерба для гражданского населения», и SP может внести значительный вклад в достижение этой конкретной цели и в обеспечение безопасности людей в целом. Более того, защита культурной собственности является одной из сквозных тем в документе РоС, где указывается, что полицейский подход крайне необходим для предотвращения и сдерживания определенных незаконных действий. SP проводит расследования определенных преступлений, задерживает злоумышленников

и возвращает культурное имущество и незаконно приобретенные богатства в качестве возмещения ущерба. Таким образом, SP не только лишает преступников финансирования, но также возвращает эти средства в экономику принимающей страны, поддерживая ее развитие в целом и, в конечном итоге, внося свой вклад в борьбу нарративов. SP может занять свои ниши в РоС в таких аспектах как борьба с торговлей людьми и контрабанда наркотиков и оружия, обеспечение соблюдения законов, связанных с уменьшением загрязнения воздуха и защитой окружающей среды и борьбой с эксплуатацией труда некоторых категорий работников.

В книге «Война без ограничений», написанной полковниками Народно-освободительной армии Китая Киао Лианг и Ванг Сингсуи, а также в т.н. доктрине Герасимова и бесчисленных трудах по повстанческому движению, современных войнах, терроризму и конфликтах совершение преступлений рассматривается как способ ослабления противника. Именно здесь и заключается новаторский подход SP огромной важности при реагировании на эти гибридные угрозы. Современные конфликты и кризисы ставят традиционного бойца перед целым рядом сложных проблем, таких как асимметричная война, гибридные угрозы, повстанческое движение, правовые конфликты, сочетание войны и преступности, использование двусмысленности, неконвенциональных средств, тайных операций,

проводимых государственными и негосударственными субъектами, коммуникации противника (СМИ, информационные операции, психологические операции, война нарративов) и киберугрозы, на которые нельзя отреагировать только военными средствами и применением летального оружия.

В этой сфере альянс постоянно оценивает, просчитывает и анализирует возможные угрозы – особенно относящиеся к области безопасности – для того, чтобы выработать соответствующие ответные меры. Концепция НАТО «Сдерживание и оборона евроатлантического региона» сосредоточена на сценариях масштабной нестабильности, оперативной совместимости, кругового отслеживания ситуации по всем направлениям и наличия неконвенциональных субъектов, в то время как натовская концепция «Кульминация военных действий» подчеркивает постоянные усилия союзников по внедрению новых подходов и адаптации к новой обстановке, чтобы достичь поставленных целей. Более того, принятый в 2017 г. документ «Анализ стратегических прогнозов» с временными рамками до 2035 г. включает прогнозирование последствий возможного вмешательства в густонаселенные городские районы и участия широкого круга субъектов, отвечающих за безопасность. Аналогичным образом, изданный в 2018 г. документ «Рамки будущих операций альянса» анализирует краткосрочные вызовы, в частности, в условиях боевых действий и ведения войны, и предлагает повысить доступность и численность личного состава SP с целью укрепления имеющихся сил военной полиции и выработки определенных навыков полицейской работы для эффективного взаимодействия с гражданским населением, что является основной задачей всех этих усилий. И наконец, программа под названием «НАТО 2030: объединение для вступления в новую эру» призывает к периодической отработке возможных ответов на гибридные угрозы и максимально возможного сотрудничества в расширенных рамках DIMEFIL, которые помимо дипломатических, информационных, военных и экономических усилий добавляют еще финансовую, разведывательную и – что наиболее важно для SP – правоохранительную сферы.

Общая эволюция военной области нуждается в ответных мерах, приспособленных под каждую конкретную ситуацию. Одной из таких мер должна быть служба SP, инструмент, основанный на присущей ему гибкости в обстановке применения силы. В действительности, переговоры и посреднические услуги рассматриваются вместе с рациональным присутствием и правильно выбранной доктриной с целью избежать применения силы, особенно летального оружия, где это только практически возможно. Это, в свою очередь, подразумевает, что альянс готов перестроить свой военный инструментарий. Создание таких возможностей и повышение оперативной совместимости потребует концепции,

определяющей SP во всех ее аспектах и делающей возможной ее полную интеграцию.

В качестве еще одного плюса мы видим повышение роли альянса за счет работы SP, когда будут использоваться имеющиеся знания, опыт и сети сотрудников в сфере полицейских функций и взаимодействия с соответствующими субъектами на различных уровнях, особенно с местными полицейскими силами и населением. Зачастую имеет место непонимание и принижение роли SP, когда эта служба рассматривается с использованием неверной, устаревшей или сфокусированной только на военном аспекте информации. С другой стороны, SP – это возможность, которую альянс не должен упустить, если он нацелен на гармоничное развитие, сохранение возможностей выполнять свои задачи и принятие новаторства и перестройки работы, что позволит обеспечить полноценный комплексный подход.

Итальянские карабинеры во время выполнения миссии в Ираке в составе многонационального специализированного подразделения. 2005 г.

ЦЕНТР МАСТЕРСТВА НАТО ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИЦЕЙСКИМИ МЕРАМИ

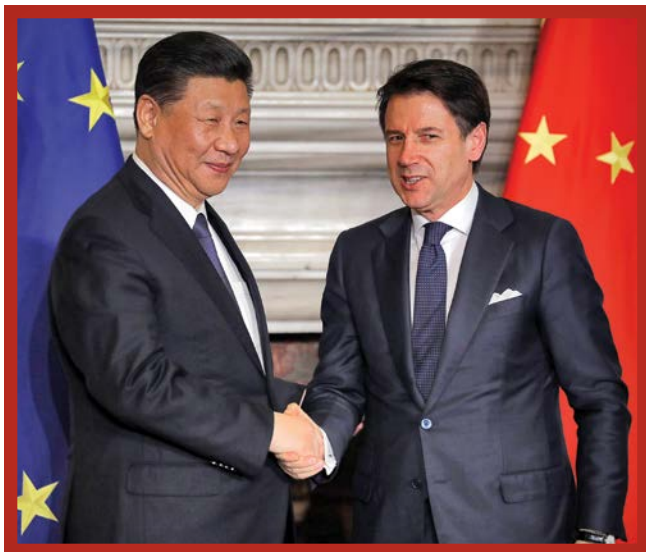
Одобренная концепция SP в значительной степени повысит шансы альянса на успех, поскольку брешь в обеспечении общественной безопасности будет закрыта еще на начальной стадии каждой операции, на этапе критически важного т.н. «золотого часа». НАТО должна сделать этот чрезвычайно важный шаг для успешного перехода к последующим за военными операциями миссиям, создавая также при этом методологию оценки, позволяющую заранее определить факторы, которые потенциально будут мешать выполнению миссии. В этом и заключается основная цель работы Центра мастерства НАТО по обеспечению стабильности полицейскими мерами – использовать возможность, которая принесет выгоды альянсу и людям, которым мы служим. □

Примечание редактора: Эта статья была написана до проведения саммита НАТО в июне 2022 г.

ЕВРОПЕЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ

КИТАЯ

В 2035 Г.

Президент Китая Си Цзиньпин, слева, и Джузеппе Конте, бывший в то время премьер-министром Италии, отмечают подписание в Риме меморандума о взаимопонимании в поддержку программы Пекина «Пояс и путь». 2019 г.

Прогнозирование возможного будущего

Д-р Сари Архо Хаврен, сотрудник отдела европейско-китайских отношений Института исследований Китая им. Меркатора (MERICS) и приглашенный исследователь в Университете Хельсинки

ФОТОГРАФИИ АССОЦИЭЙТЭД ПРЕСС

На XIX Национальном Конгрессе Коммунистической партии Китая (КПК) в 2017 г. президент Си Цзиньпин представил стратегический план достижения социалистической модернизации. Согласно этому плану, к 2049 г. страна должна стать процветающей, сильной, демократической, культурно развитой и гармоничной. Промежуточную цель предполагается достичь к 2035 г. С тех пор КПК разработала планы комплексной экономической перестройки, включающей превращение Китая в одну из наиболее технологически передовых стран мира, повышение стандартов жизни с упором на устойчивость развития, увеличение ВВП на душу населения и сокращение разрыва в уровне жизни между городскими и сельскими районами.

В соответствии со стратегией, нацеленной на укрепление самодостаточности, спрос должен быть основной движущей силой экономического развития. В 2021 г. Национальный Народный Конгресс (ННК) утвердил 14-й пятилетний план, охватывающий период 2021-2025 гг. Его цели – сокращение разрыва в доходах между городскими и сельским населением, стремление к глобальному лидерству в сфере технологических инноваций и наращивание темпов снижения выбросов углерода в атмосферу – зафиксированы также и в документе «Китай: видение до 2035 г.». Для достижения социалистической модернизации к 2035 г. экономике Китая придется удвоить объемы производства, что представляется трудновыполнимой задачей, учитывая нынешние медленные темпы экономического роста. Кроме

того, достижение целей 2035 г. не может происходить в вакууме; оно тесно связано с военными возможностями и международными связями страны.

Европейскую стратегию Китая, или ее отсутствие, трудно обнаружить в каком-то едином документе, но зато ее суть легко суммировать выражением «разделяй и властвуй». В интересах Пекина видеть Европейский союз слабым, разделенным и уступающим стремлению Китая создать свою собственную силовую основу и достичь к 2035 г. поставленные цели. Успешные попытки вбить клин в отношения между транс-атлантическими союзниками помогли бы Китаю в достижении своих целей. Набор инструментов Пекина по оказанию влияния на Европу включает стратегические инвестиции, доступ к китайским рынкам в качестве рычага влияния, культурную дипломатию, а также послов, которые, в зависимости от ситуации, могут быть «плюшевыми медведями панда» или превращаться в «боевых волков».

КПК не рассматривает ЕС в качестве серьезного института и поэтому продолжает подрывать его деятельность. Трудно найти письменное изложение китайских намерений в Европе или же доклады по этому поводу. И наоборот, имеются многочисленные исследования относительно стратегий Китая по смещению США с лидирующей позиции в глобальном порядке. Данное исследование, рассматривающее перспективы на будущее, анализирует долгосрочные стратегические цели Китая в Европе в рамках его будущих глобальных стратегических задач. Рассматриваются два сценария: влияние Китая в Европе возрастает, и влияние Китая в Европе сокращается. В исследовании изучаются различные силы, движущие факторы и возможные сигналы, позволяющие пролить свет на амбиции Китая и их значение для Европы. Сигналы, как указывается в данной работе, представляют собой явления, обладающие способностью самостоятельно или совместно с поддерживающими сигналами влиять на будущее или изменять его.

Сценарий: Китайское влияние в Европе усиливается

При этом сценарии изначальное предположение состоит в том, что ключевые интересы и соответствующие стратегии Пекина не позволяют ему идти на существенные дипломатические компромиссы, и что институты ЕС и его государства-члены не в состоянии оказывать какое-либо значительное сопротивление. При этом сценарии Европа не сохраняет единство и солидарность, а Китаю успешно удалось предотвратить формирование европейцами единого фронта против Китая.

Сигнал 1: Всеобщее процветание пришло на смену экономической либерализации и открытости в качестве партийной идеологии.

Ванг Ханинг, считающийся главным стратегом в окружении Си Цзиньпина, успешно отстаивает мнение о том, что Китай должен сопротивляться «глобальному либеральному влиянию», и призывает к образованию «культурно объединенной и уверенной в своих силах нации, руководимой сильным централизованным партийно-государственным аппаратом», который «не поддается влиянию западного либерализма». Говорят, что Си Цзиньпин разделяет точку зрения Ванга. Си Цзиньпин в равной степени отвергает коммерциализацию, «новых богатых», и то, что считается утерей традиционных ценностей. Предполагается, что все это происходит от западного либерального капитализма и рассматриваются как признаки упадка и экзистенциальные угрозы. Си Цзиньпин хочет при помощи кампании всеобщего процветания вернуть народ на тропу благочестия, как ему это представляется. Он разработал концепцию всеобщего процветания в качестве основного политического вопроса, а не просто экономического аспекта. На практике это означает, что именно из-за идеи всеобщего процветания правительство стало уделять пристальное внимание китайским технологическим гигантам и индустрии видеоигр, был установлен лимит цен на съемное жилье, а персональное богатство человека перестало быть окруженным ореолом славы.

Что это означает для Европы?

Западная либеральная культура все больше рассматривается как источник пороков и разложения общества. Стремление оградить общественное мнение в Китае от

западной (в том числе и европейской) «мягкой силы» еще больше отдалит друг от друга культуры и приведет к тому, что китайцы будут считать европейцев подозрительными и, возможно, будут смотреть на них свысока. Дорогие европейские бренды потребительских товаров могут начать рассматриваться как символы кричащей показухи, что снизит их привлекательность. Китай уже сейчас снижает свою зависимость от внешнего мира, что легко может привести к отказу от европейских брендовых товаров. Что более важно, стремление китайского руководства воспитывать граждан в духе ключевых социалистических ценностей – и перевод талантливых кадров с производства компьютерных игр и потребительских проектов на разработку ведущих промышленных технологий – облегчает Пекину достижение его цели стать будущим мировым технологическим лидером, что увеличит зависимость Европы от Китая и технологический разрыв между ними. Лидирующие позиции в технологической сфере могут позволить Китаю использовать европейские источники данных, что откроет возможности большего влияния на европейские ценности и взгляды и, возможно, расширит проведение операций наблюдения.

Сигнал 2: Китай начал соотносить свое внутреннее развитие со своими международными отношениями.

Руководство Китая расширяет свое влияние и стремится к достижению более крупных целей посредством коридоров «Пояс и путь» на Ближнем Востоке, в Африке, России, Восточной Европе и даже внутри ЕС. Пекин

Грузовой поезд в г. Момбаса, Кения, движется по железнодорожной сети, построенной при поддержке Китая и стоившей почти 3,3 млрд. долл. США, что сделало ее одним из крупнейших инфраструктурных проектов страны.

Китай закрыл посольство Литвы в Пекине после того, как эта страна-член ЕС открыла представительство Тайваня в Вильнюсе.

понимает, что для достижения своих целей он должен изменить свои отношения с внешним миром. КПК утверждает, что готовится к новой глобальной экономической парадигме и соотносит свое внутреннее развитие не только с концепцией «Пояс и путь», но также и с такими инструментами как Азиатский инфраструктурный инвестиционный банк, Региональное комплексное экономическое партнерство и Китайско-пакистанский экономический коридор. Китай также увеличил свое влияние в многосторонних организациях и институтах.

Более того, Китай стремится стать мировым ведущим законодателем технологических стандартов. Через китайские коридоры влияния в китайские университеты приходят лучшие умы из дружественных стран, где их обрабатывают националистическими и патриотическими нарративами. Кроме того, по мнению «Китайских наблюдателей в Центральной и Восточной Европе», многонационального консорциума, известного под англоязычной аббревиатурой СНОИСЕ, посредством образовательных программ Китай может обрабатывать молодежь в странах Центральной и Восточной Европы.

Что это означает для Европы?

Европа может постепенно утратить влияние в регионе, в то время как влияние Китая в рамках ЕС и составляющих его странах будет возрастать. Одновременно с этим у Китая есть возможность – посредством использования «мягкой силы», наблюдения, запугивания или фейковых новостей – повернуть общественное мнение в этих районах в сторону поддержки целей Китая. Еще одна реальная угроза состоит в том, что Китай систематически нацелен на следующее поколение европейцев. Как отмечает китаевед Лииси Каринди в своей статье, опубликованной на вебсайте СНОИСЕ, «влияние на следующее поколение талантливых людей и лидеров, по сути, означает покупку будущего Европы».

Сигнал 3: Ключевые интересы Китая оставляют мало места, если вообще оставляют, для дипломатии.

Си Цзиньпин утверждает, что он никогда не пойдет на компромисс в таких вопросах как интересы суверенитета, безопасности и развития Китая. Он рассматривает западное влияние как угрозу национальной безопасности и предупреждает против «проникновения универсальных ценностей». Свобода слова и свобода печати представляют собой угрозы и должны находиться под контролем КПК. Элита КПК рассматривает такой контроль не как проявление собственного неустойчивого положения – как это часто случается на Западе – а как средство достижения политических целей.

Что это означает для Европы?

Не очерченные четко ключевые интересы Китая

вместе с предпосылкой о том, что демократии слабы и не способны обеспечить безопасность и процветание своим гражданам, позволяют Пекину занять жесткую позицию в его международных отношениях. Причины для ведения переговоров и компромиссов снижаются, и европейские государства должны принять тот факт, что ключевые интересы Китая не являются предметом для переговоров. Боязнь обидеть Пекин и создать напряженность уже привела к тому, что страны-члены ЕС и европейские организации и компании уступают давлению Пекина. Китай использует доступы к своим рынкам для оказания давления, заставляя европейские правительства и бизнес-сообщества действовать в его интересах.

Ситуация с Литвой дает нам пример последствий противодействия интересам Китая и его расширяющемуся влиянию. По сути, брошен вызов праву суверенных государств самостоятельно определять свою внешнюю политику, когда дело доходит до интересов Китая. В качестве ответных мер на открытие представительства Тайваня в литовской столице Вильнюсе Китай прекратил экспортные и импортные операции с Литвой, убрав ее из своих таможенных списков, и поставил многонациональные корпорации перед выбором – прекратить торговлю с Литвой или закрыть бизнес-проекты в Китае. Как минимум, одна европейская многонациональная корпорация уступила требованиям Китая, немецкая Балтийская торговая палата в этом политическом расколе приняла сторону Китая, о чем сообщило китайское издание «South China Morning Post». Другие страны-члены ЕС не смогли оказать Литве какой-либо существенной поддержки, если не считать проявления солидарности со стороны Эстонии и Латвии, которые в августе 2022 г. вышли из формата 16+1, сформированного Китаем. С точки зрения Пекина, ее стратегия сработала – было проверено единство ЕС и продемонстрировано, что блок не в состоянии эффективно защищать своих членов.

Сигнал 4: Китай уверен в собственных силах.

Китай считает, что сейчас Восток находится на подъеме, а Запад приходит в упадок. А поскольку имидж Китая на Западе все больше приобретает негативную окраску, некоторые аналитики предполагают, что Пекин может решить, что его окно возможностей совершить, например, какие-то рискованные военные действия в отношении Тайваня, уменьшается. Тем не менее, из Пекина почти не поступает никакой информации, свидетельствующей о том, что руководители КПК считают, что у них остался лишь ограниченный набор вариантов действий. И хотя западные демократии ставят под вопрос всемогущество Китая, китайские руководители в нем не сомневаются. Ведь в 14-м пятилетнем плане особо подчеркиваются «институциональное превосходство», «социальная стабильность» и «административная целесообразность».

Китай также разрабатывает стратегии подготовки к будущим вызовам. Например, Китай уже доминирует в глобальной индустрии обработки электробатарей, хотя внутри страны нет всех необходимых для этого минералов, таких как кобальт и литий. В результате жесткой политики в отношении индустрии компьютерных игр и электронной торговли, приведшей к увольнению специалистов в этих сферах, программисты и технические эксперты теперь имеют возможность работать в стратегических сферах, таких как квантовые вычисления и искусственный интеллект (ИИ). Партийные руководители уверены, что они смогут справиться с серьезными вызовами их стране, такими как неравенство, стареющее население, изменение климата, замедляющиеся темпы

развития экономики и конкуренция великих держав.

Что это означает для Европы?

Нынешние усилия Китая, особенно в отношении технологических компаний, где талантливых специалистов переводят из сектора развлечений в более стратегически важные и продуктивные секторы экономики и в сферу производства – чтобы достичь к 2035 г. поставленных целей – могут еще больше увеличить разрыв между Китаем и Европой. Европейские политики и крупные компании неохотно идут на формирование единого фронта для противостояния Китаю. Психологически каждая европейская страна в отдельности может опасаться мер противодействия со стороны Китая, особенно когда неспособность ЕС защитить Литву создала такой прецедент.

Сигнал 5: Китай ослабляет структуры, поддерживающие глобальный порядок под руководством США, одновременно укрепляя собственные альтернативные структуры.

Вместо отношений с единым и сильным Европейским союзом Китай предпочитает двусторонние отношения с европейскими государствами по отдельности. Тем не менее, Китай также принимает и европейскую стратегическую автономию, поскольку видит в ней противовес США и буфер на пути своих ухудшающихся отношений с США. Пекин использует классическую тактику «разделяй и властвуй», пытаясь вбить клин в отношения между США и их европейскими союзниками. В марте 2021 г. министр обороны Китая Вей Фенге посетил четыре европейские страны, в том

Камеры наблюдения и полицейский следят за посетителями на площади Тяньаньмынь в Пекине.

числе Венгрию и Грецию — два государства-члена ЕС, которые также являются союзниками по НАТО — и открыто предложил включить военное сотрудничество в расширяющиеся отношения стратегического партнерства. Государственные СМИ и МИД Китая предлагают ЕС подумать над тем, что для них важнее — торговля с Китаем или союзнические отношения с США. И когда ЕС действует вопреки интересам Китая, китайские источники заявляют о том, что Евросоюз позволяет Вашингтону определять его внешнюю политику.

Что это означает для Европы?

Здесь Европа играет ключевую роль, особенно потому, что Китай стремится добиться более заметной роли в международных организациях и расколоть западные альянсы. Китайская гегемония в развивающихся странах и в государствах по периметру Европы еще больше ослабит ЕС и оставит ЕС и его членам меньше глобальных выборов в экономических и политических аспектах.

Сигнал 6: Новый китайский закон об обеспечении безопасности данных может стать юридическим основанием для создания комплексной глобальной системы наблюдения.

Приложение к китайскому закону о безопасности определяет «национальные ключевые данные» как все данные, относящиеся к национальной безопасности, национальной экономике, жизнеобеспечению населения и важным общественным интересам. В документе записано: «В случаях, когда обращение с данными за пределами материковой части КНР наносит вред национальной безопасности, общественным интересам или законным правам и интересам граждан или организаций КНР, должна последовать юридическая ответственность в соответствии с законом». Как это свойственно и другим китайским законам, положения этого закона носят двусмысленный характер, поскольку не фиксируют четко, какие именно действия являются нарушением.

Технологическая система слежения активно тестируется и используется в обращении китайских властей с уйгурским населением в провинции Синьцзян. Результаты вдохновили на расширение наблюдения на основе технологий ИИ по всему Китаю и за его пределами. Цифровая инфраструктура и механизмы управления почти безграничны. Эта система может осуществлять контроль за людьми по всему миру как никакая система до этого. Китай экспортирует свои технологии наблюдения многочисленным авторитарным режимам и слабым государствам по всему миру. Это только вопрос времени, когда эти технологии будут интегрированы в единую комплексную систему, к которой КПК со временем получит доступ. В статье в журнале «The Atlantic» заместитель редактора Росс Андерсен написал, что «появление руководимого Китаем авторитарного блока, оснащенного технологиями ИИ, может деформировать геополитику нынешнего столетия. Миллиарды людей на огромных территориях земного шара могут навсегда лишиться возможности обеспечить себе какие-либо политические свободы».

Что это означает для Европы?

Андерсен процитировал одного чиновника, работавшего в администрации бывшего президента США Дональда Трампа, который предупредил о последствиях утраты лидирующих позиций в развитии современных технологий. Китай уже точно работает над получением огромного объема данных пользователей от иностранных граждан и внесением их в правительственную базу данных. Китайская технологическая компания «Али Баба» получила задание разработать основанное на искусственном интеллекте программное обеспечение City Brain, своего рода нервный центр. Андерсен приводит примеры того, как китайское правительство может из разных источников собирать данные: посредством автомобильных камер, создающих трехмерные модели городов, посредством дронов, собирающих данные для идентификации людей, а также при помощи технологий, которые однажды смогут читать мысли людей. Когда все эти технологии будут интегрированы в единое целое, то авторитарное правительство получит колоссальные возможности контроля за их использованием. Это практически невозможно предотвратить, поскольку китайские компании и работающие в Китае иностранные компании по закону обязаны оказывать помощь правительству Китая. Со временем вся информация, относящаяся к покупаемым товарам, коммуникациям, личным связям, состоянию здоровья и ДНК, может быть объединена. В Европе китайская компания «Хуавей» в различных городах создает исследовательские лаборатории, известные как «инновационные центры», а в Сербии она создает систему наблюдения для обнаружения преступной деятельности.

Тем временем, погоня за талантами набирает обороты. «Хуавей» создал в Финляндии инновационный центр вместе с местными университетами с целью привлечения к своей работе талантливых финских инженеров. Китайская технологическая компания «Байду» открыто дала понять, что наилучшие специалисты в сфере ИИ находятся именно на Западе. Если Китаю удастся перегнать США в гонке в сфере технологий и ИИ, то его геополитическое влияние окрепнет.

Сигнал 7: Китай отказывается признать, что ЕС видит в нем своего соперника.

Китай ссылается на документ ЕС «Политика в отношении Китая – 2019», в котором Китай характеризуется как партнер, конкурент и системный соперник. Министр иностранных дел Китая Ванг Йи неоднократно выражал несогласие с тем, что ЕС называет его страну системным соперником. С тех пор китайские дипломаты следуют этому нарративу. Например, глава миссии Китая в Евросоюзе посол Жан Минь утверждает, что, называя Китай соперником, страны неправильно оценивают суть отношений между ЕС и Китаем и создают барьеры в этих отношениях. Китай настоятельно просит Евросоюз и его государства-члены перестать использовать термин «соперник». Миссия Китая в Евросоюзе утверждает, что европейские компании предпочитают отделять

Протестующие у здания посольства Китая в Лондоне после того, как независимое исследование пришло к выводу о том, что Китай нарушает права человека в отношении общины уйгуров.

экономические интересы от политических и поэтому не хотят определять Китай в качестве соперника.

Что это означает для Европы?

Давление, требования и политика «кнута и пряника» оказывают влияние на уязвимые страны-члены ЕС. Китай использует как лесть, так и грубый критицизм. Жан Минь называет Китай и ЕС «ответственными крупными державами», и такая формулировка, без сомнения, приятна руководителям ЕС, пытающимся поставить организацию на место третьего многостороннего субъекта мирового влияния. В других случаях Пекин без промедления озвучивает жесткие предупреждения ЕС и его отдельным членам. Например, когда члены Европарламента посетили Тайвань, Ванг Йи предупредил, что европейские страны заплатят высокую цену за налаживание более тесных связей с Тайванем. Такая тактика рассчитана на то, что европейские правительства будут опасаться потерять доступ к китайским рынкам.

Сигнал 8: Пекин использует немецкие компании для лоббирования своих интересов.

У Китая имеется целый набор инструментов для оказания влияния на европейских лидеров, политиков, политические партии, лоббистов, целые отрасли промышленности, университеты и СМИ, и при этом он использует технологии, людские ресурсы и другие гибридные средства. Одним из действенных инструментов является использование бизнес-элиты Германии для лоббирования интересов Пекина в Германии и в ЕС в целом. Немецкие промышленные лидеры, такие как генеральный исполнительный директор «Фольксваген Груп» Герберт Диесс, призывают наращивать сотрудничество с Китаем, а не снижать. «Будет нанесен очень большой ущерб, если Германия или ЕС захотят отдалиться от Китая», - написал Диесс в Твиттере. Зависимость Германии от китайского рынка

является редким, но показательным случаем и представляет угрозу для ЕС, поскольку, как указано в докладе Каринди, размещенном на вебсайте СНОИСЕ, 44% экспорта ЕС в Китай берет начало в Германии. В случае с Литвой, Китай совершенно очевидно использовал свои связи с Германией для оказания давления на эту прибалтийскую страну. Во-первых, Китай стал убеждать немецкого производителя автомобильных агрегатов «Continental» прекратить использование компонентов, произведенных в Литве. Вскоре после этого Немецко-балтийская торговая палата предупредила о том, что использующие немецкие инвестиции заводы в Литве могут быть закрыты, если нормальные литовско-китайские отношения не будут восстановлены, что создает впечатление, что на бизнес-элиту Германии оказывают давление, заставляя ее действовать в интересах Китая.

Явление «захвата элит» в Европе выходит за рамки только бизнес-сообщества. Пекин отправляет в Европу своих посланников на встречи с благоволящими к Китаю учеными и политиками. В Греции, например, предложение китайского представителя относительно «объединения мудрости древнего Востока и западных цивилизаций во имя построения сообщества с общим будущим для всего человечества» было хорошо принято греческой элитой, о чем говорится в докладе Фонда Карнеги. В сферу влияния попадают даже зарождающиеся молодые элиты. Им предоставляются возможности получить образование, а затем заключить выгодные коммерческие сделки. Венгерским журналистам и ученым Пекин предлагает образовательные туры и программы получения стипендий. Взамен ожидается, что выпускники будут выступать за более тесные политические, торговые и культурные связи.

Что это означает для Европы?

Давление Пекина на людей и компании формирует поведение этих субъектов. Многонациональные

корпорации считают, что будет лучше уступить, приспособиться и проявлять сдержанность в своих действиях, чем потерять доступ на китайский рынок. В ответ Пекин награждает их определенными позитивными изменениями в своей политике, такими как недавнее устранение ограничений на иностранное владение компаниями-производителями пассажирских автомобилей. Все это укрепляет симбиоз между немецкими многонациональными корпорациями и КПК, что в свою очередь превращается в более интенсивное лоббирование в Европе более широких отношений с правительством Китая.

Сигнал 9: В плане науки, технологий и инноваций Китай больше сосредоточен на Европе, а не на США.

Китай имеет значительное экономическое влияние в Европе, особенно в Германии, и успешно использует его в качестве рычага давления. В то же время Китаю нужен доступ к европейским технологиям, рынкам и университетам, в основном потому, что для того, чтобы стать самообеспеченным во всех технологических вертикалях, таких как полупроводники, передовое машиностроение и отдельные отрасли цифровой индустрии, требуется пройти долгий путь. Помимо увеличения своих затрат на исследования и развитие, чтобы стать мировым лидером в сферах науки, технологий и инноваций к 2050 г., а в сфере ИИ к 2030 г., Китай должен стремиться к международному сотрудничеству, для получения доступа к этим критическим технологиям в других странах.

Что это означает для Европы?

В Европе нет законодательства, правил и средств для определения проблематичных связей с китайскими операциями влияния и научного сотрудничества. Европейские субъекты даже не имеют возможности отследить, когда их технологии были перенаправлены для использования в чувствительных сферах, таких как нарушение прав человека или применение технологий двойного назначения в военной сфере.

В соответствии с данными исследования Китайского агентства международного содействия, Германия является самым крупным европейским инвестором в Китае. Китай может использовать торговлю и инвестиционную зависимость Европы в своих интересах (например, китайские дипломаты намекают на последствия, если Германия не начнет внедрять технологии 5G производства компании «Хуавей»).

Отдельные китайские инвесторы получают распоряжение инвестировать в стратегические активы в Европе. По мнению независимого исследовательского центра «Rhodium Group», этими инвесторами будут в основном государственные предприятия с фондами и доступом к оффшорному капиталу. Приоритетными объектами для инвестиций являются высокотехнологичные компании, предметы потребления и инфраструктура, что необходимо для достижения к 2035 г. заявленных Китаем целей. «Rhodium Group» прогнозирует, что «при нынешних обстоятельствах китайские покупатели, скорее всего,

будут нацелены на мелкие и средние технологические компании в странах с менее жесткими процедурами скрининга и относительно дружелюбным подходом к Китаю». Это ставит Европу в более уязвимое положение, поскольку США затруднили работу китайских субъектов на своей территории. Северная Европа оказалась в центре китайских интересов из-за открытых экономик стран этого региона и их зависимости от внешней торговли.

Сигнал 10: Западная демократия рассматривается в качестве противника.

Организованный президентом США Джо Байденом в декабре 2021 г. Саммит за демократию и приглашение на него Тайваня в качестве участника вызвали гневную реакцию Пекина, который провел ответную конференцию по вопросам демократии и кампанию, в ходе которой пытался убедить мир в том, что китайская модель управления представляет собой наивысшую форму демократии. Намерения Китая дать новое определение демократии не является чем-то новым, но усилия в этом направлении в 2021 г. стали более интенсивными, что частично связано с ослаблением мировых демократий. Китай извлек пользу из этого обстоятельства. Также он добился некоторого успеха в своих попытках убедить людей в различных частях мира в том, что его модель управления является более эффективной.

Что это означает для Европы?

Действия Китая размывают определение демократии и нацелены на то, чтобы убедить людей в своей стране и за рубежом в том, что китайская альтернативная модель управления лучше западных демократий. Это, в свою очередь, позволяет Китаю оправдать свою авторитарную модель управления и руководства страной. Все эти усилия получают благоприятный отклик в Европе, где кампании дезинформации и лжи различных государственных и негосударственных субъектов, в том числе китайских, ослабили критическое отношение к информации в социальных СМИ.

Сценарий: Влияние Китая в Европе сокращается

Исследование этого сценария концентрируется на сигналах, исходящих из политических инициатив Китая, директив и особенностей событий внутри страны в различных областях, оказывающих влияние на Европу. Сигналы, указывающие на ответные действия Европы или ее противостояние действиям Китая, здесь не рассматриваются.

Сигнал 1: Пекин может пересмотреть свои обязательства по проекту «Пояс и путь».

Уровень иностранных инвестиций Китая снизился с 2016 г., и многие ожидаемые выгоды так и не были материализованы. Как отмечает старший научный сотрудник Института Гувера при Стэнфордском университете Элизабет Эконом, оценка 10 крупнейших получателей инвестиций в рамках концепции «Пояс и путь» выявила, что уровень инвестиций не соответствует

напрямую уровню поддержки Китая по ключевым вопросам со стороны страны-получателя. Вместо этого Китай должен прибегать к мерам принуждения для достижения своих целей.

Сокращающаяся экономика Китая, частично надломленная пандемией COVID-19, заставила страну сократить масштабы проектов в рамках концепции «Пояс и путь». По данным журнала «Business Standard», за один год инвестиции сократились на 54%. А общее замедление темпов развития экономики заставило Пекин ужесточить свою фискальную политику, что может привести к дальнейшему замедлению реализации проектов «Путь и пояс».

Что это означает для Европы?

Скорее всего, Китай в плане реализации своих нынешних проектов переключит свое внимание с Европы на какие-то другие регионы. Например, по данным «Business Standard», в Пакистане из 122 проектов в рамках «Пояс и путь» завершены только 32. Поскольку концепция «Пояс и путь» представляет собой основной политический инструмент Китая для расширения его международного влияния и связи с миром, у Европы есть время для продвижения своей собственной инициативы – «Глобальные ворота». Имея инфраструктурный бюджет в 300 млрд. евро, Евросоюз может укрепить свои цепочки поставок и торговли, особенно в стратегических районах Европы и, например, в Африке.

Сигнал 2: Высокомерное отношение Китая не основано на реальном положении дел.

Правительство Китая демонстрирует почти опасную излишнюю самоуверенность в своих возможностях покорить мир. Старший научный сотрудник Института Гувера Элизабет Экономист считает, что такая чрезмерная гордыня может не позволить руководителям КПК осознать сопротивление и реалии в других странах, что может привести к серьезным просчетам со стороны Пекина. Также существует мнение, что из-за внутренних проблем – стареющее население и замедление темпов экономического роста – Пекин может решить, что окно его возможностей сужается, и пойдет на неоправданный риск.

Что это означает для Европы?

Любые преждевременные рискованные шаги будут сделаны в индийско-тихоокеанском регионе или в самом Китае. Европа не будет в центре внимания озабоченностей Пекина, учитывая рычаги давления на ЕС и его членов в потенциальных переговорах о более равных условиях в общих отношениях с Китаем.

Сигнал 3: Формат 17+1 находится в застое.

Китай не выполнил своих обязательств в рамках формата 17+1 (сейчас это 16+1), который является планом Пекина по продвижению бизнес-инициатив в странах Центральной и Восточной Европы. Некоторые восточноевропейские страны разочарованы тем, что

Пекин не выполнил своих обещаний.

Что это означает для Европы?

Пекин использует формат 17+1 в качестве одного из своих инструментов для разделения ЕС и для того, чтобы заставить более экономически слабые европейские государства продвигать его интересы в Европе. Застой в работе этого формата потенциально может позволить государствам-членам ЕС сформировать более единую позицию в отношении Китая.

Сигнал 4: Внимание сосредоточено в основном на индийско-тихоокеанском регионе.

Со стратегической точки зрения, Пекин нацелен на освобождение Азии от влияния США и других западных держав. В планах Си Цзиньпина по созданию внутренне взаимосвязанного сообщества центральное место занимает Китай, в то время как остальные азиатские страны остаются его подчиненными. Поскольку Китай не смог закрепить такое свое видение на всей территории азиатско-тихоокеанского региона, есть вероятность того, что Пекин решит, что необходимо сконцентрировать больше ресурсов и внимания на том районе, в сторону которого стали поворачиваться США при администрации президента Барака Обамы.

С точки зрения Китая, США традиционно являются атлантической державой. Хотя в интересах Китая разделить Европу и ослабить трансатлантический альянс, он может сделать больший упор на создание более существенной базы в индийско-тихоокеанском регионе, особенно потому, что это связано с Тайванем и «Линией девяти пунктиров» в Южно-Китайском море.

Что это означает для Европы?

Китай увидит слишком высокую цену втягивания географически удаленной Европы в свою орбиту, в то время как его основные цели находятся рядом. Однако, Евросоюз, НАТО и многие отдельные члены ЕС обеспокоены действиями Китая и его растущим присутствием в индийско-тихоокеанском регионе. Это, возможно, приведет хотя бы к небольшому противостоянию Китаю в Европе.

Сигнал 5: Волнения в правящих рядах КПК.

Периодически поступает информация о том, что Си Цзиньпину не удалось консолидировать свою власть настолько прочно, как он планировал. Известный исследователь периода правления Си Цзиньпина Вилли Во-Леп Лем утверждает, что на XX съезде КПК в 2022 г. Си Цзиньпин столкнется с серьезной оппозицией. Лем указывает на то, что остается неизвестным, насколько эффективно удастся Си Цзиньпину укрепить свою власть среди старых партийных кадров и в Народно-освободительной армии, где совершенно ясно назревает оппозиция, и сможет ли он избавиться от этих сил, способных со временем бросить вызов его верховной власти.

Оптовый рыбный рынок «Хуанан» в г. Вухань в провинции Хубэй в центральной части Китая, считающийся возможным источником вируса COVID-19, остается закрытым даже через два года после начала пандемии.

разделении Европы и внесении разногласий в трансатлантический союз. Сигналы в сценариях, представленных в данном прогнозе будущего, указывают на то, что такая стратегия Китая существует.

Естественно, в каждой из двух групп не на каждый сигнал был представлен противоположный ему, и считается, что многочисленные другие явления могли быть включены в обе категории. Тем не менее,

каждая из двух групп сигналов описывает сценарии, которые можно взять за основу стратегической готовности, что является предпочтительным результатом любого прогнозирования.

С точки зрения Пекина, приемлемым является только первый сценарий: Китай стремится укрепить свое влияние в Европе, что будет служить его основным политическим интересам. Китай нацелен на размывание легитимности всеобщих прав человека, представляя себя в качестве современной модели управления, которая в состоянии быстро реагировать на изменения глобального порядка и укреплять стабильность внутри страны.

Основываясь на группе сигналов, указывающих на усиление влияния Китая в Европе, можно предположить, что вес Китая в Европе к 2035 г. возрастет, при условии, что европейским государствам не удастся объединиться для противодействия гибридным операциям и многоуровневому влиянию Китая. Большинство европейских стран все еще останутся демократиями, однако Китай может потребовать, чтобы «финляндизация» и самоцензура стали нормами во всех европейских институтах, а также академических и правительственных кругах. Всеобщие права человека будут приспособлены под китайское определение прав человека, где будут отсутствовать, например, свобода слова и гражданские и политические права. Группа сигналов, усиливающих влияние Китая в Европе, более внушительна, чем группа сигналов, указывающих на противоположный результат. Тем не менее, каждый из сигналов, ослабляющих влияние Китая, также сильный сам по себе и в состоянии изменить курс событий. □

Что это означает для Европы?

Потенциальная смена режима в Пекине представляет собой непредсказуемый поворот событий, который потребует выработки многочисленных сценариев готовности для осознания возможных последствий. В любом случае, за сменой режима последуют беспокойные времена и влияние Пекина на Европу на какое-то время приостановится.

Сигнал 6: Возрастающее давление на китайскую экономику.

Китайская экономика служит предметом непрекращающихся спекуляций. Новые ограничения на публикацию данных еще больше затруднили понимание того, что же происходит с экономикой Китая. Жесткие действия в отношении частной формы образования и секторов высоких технологий и недвижимости заставили экспертов задаться вопросом, что же станет следующим двигателем роста китайской экономики, поскольку одни только потребители не смогут поддержать десятилетней давности модель роста за счет инфраструктурных инвестиций. Непрозрачность китайской экономики и происходящих внутри страны событий порождает определенное недоверие.

Эпидемия COVID-19 и последовавший локдаун всей страны имели очень серьезные экономические последствия. К концу 2021 г. китайская экономика страдала от затянувшегося кризиса в сфере недвижимости, перебоев в цепочках поставок и низкого уровня потребления. Нарастают призывы к Пекину более интенсивно поддерживать национальную экономику. Ожидается, что в 2022 г. правительство примет новую фискальную политику, однако неопределенность по-прежнему сохраняется.

Заключение

Если основной целью Китая так и останется занять место США в качестве мирового лидера, то это будет означать, что главная задача Китая будет заключаться в

Примечание автора: Это прогнозирование развития, основанное на возможных сценариях, и ни одно прогнозирование не может быть абсолютно точным. Таким образом, здесь представлены основанные на сигналах возможные варианты развития событий, если при этом не вмешаются какие-то иные факторы.

Возвращение
**КОРПУСА
ПОБЕДЫ**

ФОТОИЛЛЮСТРАЦИЯ ЖУРНАЛА "PER CONCORDIAM"

Генерал-полковник Джон Колашески принял командование V Корпусом сухопутных сил США в Форт-Ноксе в штате Кентукки в 2020 г. Корпус победы, который ранее был известен под названием Пятый корпус, принимал активное участие в Первой мировой войне, во Второй мировой войне, в холодной войне, в миротворческой миссии в Косово и в борьбе против терроризма.

► *Давайте начнем с краткой информации о Корпусе победы. Где он зародился, где принимал участие все эти годы, и почему было принято решение о его возрождении?*

Генерал-полковник Колашески: Благодаря за предоставленную возможность побеседовать о Корпусе победы. Как вы, возможно, знаете, Корпус победы имеет многолетнюю историю в Европе и поддерживает европейский театр военных действий вот уже более 100 лет, так что нынешний момент можно назвать «возвращением в будущее». Это действительно волнующий момент. С момента своего основания 7 июля 1918 г. Корпус победы принимал участие в одних из наиболее важных и сложных военных кампаний. Он принес пользу во время Первой мировой войны, когда участвовал в военных кампаниях в Лоррейне, Сен-Михиеле и Маас-Аргонне. Корпус получил название Корпус победы в результате героических усилий его солдат в ходе этих сражений. Во второй мировой войне Корпус победы принимал участие в высадке войск в Нормандии и, в конечном итоге, в освобождении Европы. Наши союзники и партнеры, а также многие другие наши сторонники в Европе приветствуют решение о возрождении Корпуса победы.

Корпус победы был возрожден после того, как поступили настоятельные требования как со стороны Европейского командования США (EUCOM) и Сухопутных сил США в Европе и Африке обеспечить необходимый уровень командования и управления с упором на синхронизацию действий сухопутных сил США и подразделений наших союзников и партнеров, действующих в Европе. Наши старшие руководители дали ясно понять, что целью возрождения Корпуса победы является демонстрация американских обязательств перед Европой, перед НАТО и перед нашими союзниками и партнерами в регионе. В то же время возобновление деятельности Корпуса служит напоминанием о том, что оперативная обстановка изменилась; конкуренция стала нормой, и существование Корпуса победы является свидетельством признания этого факта.

► *Как Вы сказали, возобновленное пристальное внимание к аспекту конкуренции представляет собой катализатор изменений в оборонных структурах как Европы, так и США. С Вашей точки зрения,*

что означает возрождение Корпуса победы для Европейского командования США, для Сухопутных сил США в Европе и Африке, а также для союзников и партнеров по НАТО.

Генерал-полковник Колашески: Корпус победы предоставляет подготовленные и быстро размещаемые боевые штабы под командованием генерал-полковника, имеющие возможности оперативного планирования, командования операциями и руководства ротационными силами в Европе. Возобновление деятельности Корпуса победы имеет большое, просто огромное значение для Европейского командования США, сухопутных сил, Командования объединенными силами, Сухопутных сил США в Европе и Африке, а также для наших союзников и партнеров. Возрождение Корпуса победы является четким и ощутимым свидетельством приверженности США своим обязательствам перед НАТО и перед европейским сообществом стран.

От крупномасштабных военных учений до скромных общественных мероприятий, до общения наших ключевых лидеров с союзниками и партнерами по НАТО и установления отношений взаимной поддержки между организациями, командованиями и странами – все это способствует достижению ощутимого прогресса в области оперативного взаимодействия, которое крайне необходимо для сплоченного и готового к действиям альянса. В случае с Корпусом победы оперативное взаимодействие охватывает гуманитарную, процессуальную и техническую сферы, имея конечной целью организацию боеспособных сил для сдерживания агрессии противника в регионе.

Присутствие Корпуса победы в Европе – это постоянное напоминание о том, что вместе мы сильнее. Именно поэтому оперативное взаимодействие имеет такую важность. Наши союзники незаменимы, и наше сотрудничество только увеличивает уникальные возможности и преимущества каждого из партнеров в противостоянии с потенциальными противниками. По мере того, как мы проходим подготовку совместно с нашими союзниками и партнерами, мы определяем области для дальнейшей интеграции и более высокой степени оперативного взаимодействия для формирования условий на будущее. Мы знаем, что мы не будем сражаться в одиночку. Мы будем сражаться в составе коалиции, и именно поэтому прочные отношения настолько важны. Вместе мы лучше подготовлены к тому, чтобы нанести ущерб любому противнику,

угрожающему миру и процветанию в Европе, и это является ключевым компонентом сдерживания.

► **Каковы краткосрочные и среднесрочные приоритеты Корпуса победы в отношении своей деятельности на европейском театре военных действий?**

Генерал-полковник Колашески: Я сосредоточен на оказании помощи командующему Европейского командования, натовскому верховному главнокомандующему в Европе и генералу, командующему Сухопутными силами США в Европе и Африке, в том, чтобы соответствовать нашим национальным требованиям к обороне здесь, в Европе, и продемонстрировать решимость и обязательства США в отношении союзников и партнеров. Для этого я наметил три краткосрочных приоритета для Корпуса, чтобы убедиться в том, что мы прикладываем максимум усилий и добиваемся положительных результатов.

- **Мой первый приоритет** в том, чтобы заложить в Корпусе стереотип мышления «люди прежде всего». Мы достигаем этого за счет активных руководителей и прогнозируемости, что позволяет нам создать команду на принципах компетентности, жизнестойкости, дисциплины и доверия. Это, в свою очередь, способствует нашей способности к коллективной адаптации и внедрению новаторских подходов, что дает нам преимущества в нашем укреплении региональной безопасности и в повышении нашей готовности и способности оказывать поддержку нашим союзникам и партнерам.
- **Мой второй приоритет** – это постоянная ежедневная консолидация наших достижений во всем, что мы делаем, укрепляя при этом наши коллективные позиции. Это означает укрепление наших отношений и повышение наших военных возможностей, которые, в конечном итоге, способствуют национальной и региональной безопасности. Если возникнет необходимость, то при разумном подходе мы сможем создать определенные преимущества, которые будут использованы (нами и нашими партнерами), и достичь реальных положительных результатов на поле боя.
- **Мой третий приоритет** в том, чтобы и дальше фокусировать усилия на нашем долгосрочном задании, которое, если говорить просто, состоит в том, чтобы нести ответственность за войска, выделенные для прохождения службы в Европе. Для достижения этих приоритетов чрезвычайно важен наш элемент передового базирования в польском городе Познань, который помогает мне обеспечить готовность наших сил и который крайне необходим для установления нашего присутствия на европейском театре военных действий. То, что известно как Передовой элемент Корпуса победы,

позволяет нам находиться в «контактном слое», как я его называю, и дает мне исключительный уровень ситуационной осведомленности.

► **Как Корпус победы будет формировать оперативную обстановку с союзниками и странами-партнерами?**

Генерал-полковник Колашески: Во-первых, благодаря нашему Передовому элементу Корпуса в Польше, у нас есть постоянное присутствие в Европе. Это позволяет быстро реагировать на театре военных действий и осуществлять командование операцией, отдавая приказы подчиненным командованиям передового базирования, при этом осуществляя наблюдение за текущими операциями на всем европейском театре военных действий. Наш Передовой элемент Корпуса будет проводить работу и выбирать зоны ответственности по всему европейскому району операций Корпуса победы, а также выполнять обязанности дополнительного органа штаба Пункта главного командования в Форт-Ноксе, в штате Кентукки. При этом хочу подчеркнуть, что Передовой элемент Корпуса не будет выполнять эти обязанности единолично. Пункт главного командования представляет собой интегрированный штаб, постоянно и непрерывно направляющий и поддерживающий Передовой элемент Корпуса в таких аспектах как планирование и обеспечение ресурсами.

Я уже сказал это раньше, но хочу повторить еще раз: мы никогда не будем сражаться в одиночку. Наши отношения с союзниками и партнерами укрепляют фундамент, построенный на жизнестойкости, новаторских подходах и общих взглядах. Мы должны полагаться друг на друга таким образом, чтобы выделять и укреплять наши сильные стороны, совершенствуя, в конечном итоге, наши преимущества перед противниками. В случае конфликта это позволяет нам поставить наших противников сразу перед несколькими дилеммами. В то же время, в период конкуренции мы формируем оперативную обстановку таким образом, чтобы лишить противника позиционных преимуществ и нарушить его цикл принятия решений.

В том, что Корпус победы ежедневно состязается с противником в «контактном слое», большую роль играют наши союзники и партнеры. Оперативное взаимодействие является ключом к успешному сдерживанию, и это одна из причин, почему я так настойчиво подчеркиваю это в общении со своими коллегами. Это повышает гибкость союзников и повышает имеющиеся возможности. Взаимодействующие объединенные силы могут эффективно действовать сообща и с меньшими трудностями решать военные задачи. Это и есть оперативное взаимодействие, и именно оно является приоритетной инициативой для Корпуса победы. Мы вставляем его в наши планы, в ежедневные операции, в коммуникации, в обмен информацией и в решение

вопросов относительно военного оборудования. Председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Марк Милли четко определил, что необходимость в оперативном взаимодействии выходит за рамки поля боя. Корпус победы превращает эту необходимость в реальность.

► **Последнее время активно обсуждается тема многоплановых операций (MDO); как это будет работать в Европе, и какую роль будет играть Корпус победы?**

Генерал-полковник Колашески: Часть MDO интегрирует и сочетает летальные и нелетальные компоненты в отношении целей в различных сферах, включая физическую и информационную. Недавние конфликты показали, что такая интеграция крайне важна для нашего успеха на поле боя. У Корпуса победы теперь есть возможность постоянно совершенствовать такую интеграцию и использовать ее на европейском театре военных действий. Такое слияние приносит реальную пользу. Мы видели это в ходе учений в прошлом году, особенно во время наших завершающих учений «Боец» в октябре 2021 г. И этот аспект MDO я считаю очень важным, новым и отличительным. Мы будем задействовать интегрированные компоненты во всех сферах нашей конкурентной борьбы в Европе, а не только в крупномасштабных боевых операциях.

Многоплановые операции важны, даже критически важны, поскольку наши противники и конкуренты бросают нам вызов во всех сферах, не только во время конфликта, а непосредственно прямо сейчас. В последние годы наши противники используют всевозможные лазейки в оперативном информационном пространстве, ведя с нами конкурентную борьбу ниже уровня вооруженного конфликта. Эта тактика успешно применяется во всем мире. Небольшие армии и группировки сегодня в состоянии вести боевые действия на расширенных полях сражения с нарастающей смертоносностью и гиперактивностью. Национальным государствам все труднее реализовывать свою волю в обстановке, усложненной политическими, культурными, технологическими и стратегическими факторами. Страны, являющиеся нашими ближайшими соперниками, прибегают к двусмысленности ниже порога вооруженного конфликта, что негативно сказывается на эффекте сдерживания.

Такие страны, как Россия часто прибегают к действиям из категории «серой зоны», в том числе к неконвенциональным и информационным войнам для продвижения нарратива, поддерживающего её стратегические цели. Возможность проводить многоплановые операции вместе с союзниками и партнерами чрезвычайно важна для победы в любой будущей битве, а также при конкурентной борьбе ниже порога вооруженного конфликта. Наш цикл планирования и

проведения операций адаптируется таким образом, чтобы дать нам возможность сосредоточить усилия на тех аспектах, в которых, как мы считаем, идет конкуренция с противником, в которых мы ожидаем перемены обстановки, и в которых мы можем повлиять на конечный результат.

► **Как Вы рассматриваете проблемы и возможности, стоящие перед Корпусом победы?**

Генерал-полковник Колашески: Наши противники считают, что правила войны, как таковые, изменились. Он признают, что возросло значение невоенных средств достижения стратегических целей, которые во многих случаях более эффективны, чем мощь и скорость непосредственной военной силы. Глядя через эту новую призму, можно увидеть, какую чрезвычайно важную роль играет Корпус победы в содействии США и НАТО в решении проблем сегодняшнего и завтрашнего дня.

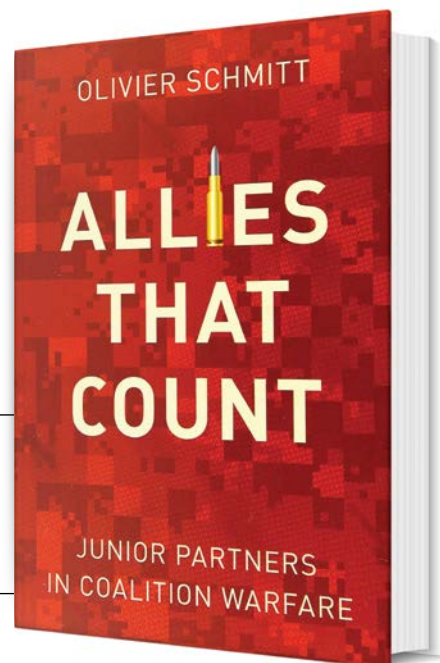
Война будущего означает сражения во многих сферах. Наши ближайшие соперники берут на вооружение появляющиеся технологии, и используют их против, как они считают, слабых мест альянса, что служит дополнением к их военным операциям и доктринам. Эти технологии можно применять и создавать проблемы для США практически во всех сферах. Стоящая перед нами военная проблема заключается в том, чтобы наносить поражение многочисленным уровням возможностей противника во всех сферах, сохраняя при этом высокий уровень сложности наших операций.

Мы постоянно работаем с нашими союзниками и партнерами, мы создаем условия, при которых наш альянс, как величайшее стратегическое достижение, подтверждает свою силу, модернизируется и финансово поддерживается. Вместе мы вносим вклад в общее дело и единые взгляды, работаем рука об руку во имя продвижения наших общих интересов и ценностей, что дает нам уникальное преимущество в условиях современной конкурентной борьбы. В первый год после возобновления деятельности Корпус победы взял быстрый старт, работая в условиях пандемии COVID-19 и проведя ряд серьезных военных учений. В ближайшее время мы не собираемся почивать на лаврах. Я планирую и дальше вносить вклад в повышение возможностей Европейского командования США, в вооруженные силы нашей страны и всего Североатлантического альянса.

**ВМЕСТЕ МЫ СИЛЬНЕЕ!
МЫ ДОБЬЁМСЯ ПОСТАВЛЕННОЙ ЦЕЛИ!
ПОБЕДА! □**

Примечание редактора: Эта статья была написана до эскалации незаконной агрессивной войны России против Украины в феврале 2022 г.

ОДИН ЗА ВСЕХ И ВСЕ ЗА ОДНОГО

АВТОР: Оливер Шмитт

ПРЕДИСЛОВИЕ: Жан-Баптист Жанген Вилмер

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Georgetown University Press

РЕЦЕНЗЕНТ: Патрик Сван, обозреватель журнала «per Concordiam»

Согласно неподтвержденному изречению Наполеона, «Бог благоволит большим батальонам». Обычно большие батальоны приносят больше пользы командирам, когда они состоят из подготовленных и готовых воевать военных.

Правильное размещение младших партнеров на позициях в общей картине маневров в войне, которую ведет коалиция, гарантирует, что присутствие этих малых сил в бою будет подмогой, а не помехой. То, как эти войска будут интегрированы, подтвердит их ценность, несмотря на их малое количество. И хотя они, возможно, не в состоянии организовать глобальную операцию самостоятельно, одного их присутствия может быть достаточно для достижения военной и политической цели в какой-то конкретной операции.

Оливер Шмитт, профессор в Университете Южной Дании и научный директор французской Ассоциации войны и стратегических исследований, в своей книге «Полезные союзники: младшие партнеры в коалиционной войне» утверждает, что младшие партнеры по коалиции могут применить в бою какие-то свои «домашние заготовки», которые принесут больше пользы, чем усилия сверхдержав. Чтобы доказать это, автор использует богатый эмпирический материал, проведя более 150 интервью, участвовав в практических наблюдениях и использовав первичные и вторичные источники на четырех языках.

Четко определенные термины формируют каркас его исследования. Он называет «младшим партнером» любое государство, чей вклад не является наиболее важным с военной (количество войск) или политической (руководящая роль) точек зрения. Он анализирует причины, по которым государства формируют альянсы, и как младшие партнеры влияют на политику и стратегию альянса. Выполняют ли они свои обязательства

в составе альянса? Делает ли их членство в альянсе войну более или менее вероятной?

Но для начала важно провести различие между коалициями и альянсами. Альянсы – это долгосрочные усилия, которые превращают организации мирного времени в союзы военного времени, в то время как коалиции обычно формируются для противодействия какой-то конкретной угрозе. Также важно отметить, что вклад вносится не только путем предоставления своих войск. Будет неверным предположение, что руководители коалиции просто объединят в одну группу всех участников, как если бы это была односторонняя операция. Командующий американскими экспедиционными силами во Франции в 1918 г. Джон Першинг не позволил, чтобы американскими солдатами просто затыкали дыры в рядах французских и английских войск. Он настоял на том, чтобы все национальные силы действовали как независимые союзники, объединенные единой задачей. Все страны требуют каких-то свидетельств того, что их войска вносят вклад в достижение цели военной кампании. Руководители должны понимать, что коалиции представляют собой, как заметил французский стратег адмирал Рауль Кастекс, «переходную группу стран, на время объединенную временными общими интересами по каким-то одним вопросам, но все еще имеющие разногласия по другим».

На стратегию также оказывает влияние и надежность партнеров. Недостатки одного младшего партнера в оперативном и тактическом мастерстве может поставить выполнение боевого задания под угрозу. Привлечение партнера по коалиции, не имеющего опыта военного сотрудничества, может привести к определенным трениям. Когда младший партнер не в состоянии справляться со сложностями многонациональных

операций, или когда имеются большие различия в военной технике и вооружениях, или когда имеется языковой барьер, то привлечение младшего партнера может принести больше проблем, чем выгод.

Так почему же коалиции рассматривают возможность сотрудничества с партнером с ограниченными военными навыками? Конечно, все дело в проводимой политике. Привлечение младшего партнера может побудить другие страны в географической близости от него если не присоединиться к коалиции, так хотя бы поддержать ее. И это может обеспечить легитимность проводимой военной кампании. Это зависит, как подчеркивает Шмитт, от стратегических условий боевых действий и вклада младшего партнера. На самом деле, вокруг участия в коалиции вращается элемент тавтологии. Коалиции используют количество участвующих в них стран для обеспечения легитимности военного вмешательства: если вмешательство не легитимное, так почему же его поддерживает такое большое количество стран? Таким образом, младшие партнеры приносят нематериальные выгоды операции коалиции, а в некоторых случаях и конкретные политические преимущества.

Для получения качественного анализа Шмитт рассматривает 12 государств в четырех случаях многонационального вторжения. Эти случаи показывают различные варианты таких аспектов как позиция государства, степень его интеграции, оперативность реагирования, его опыт и навыки, качество его поддержки, а также его полезность для военной кампании. Рассматривались следующие четыре случая ведения коалиционной войны в период после окончания холодной войны: война в Персидском заливе (1991 г.), операция «Сила союзников» в Косово (1999 г.), операция «Свобода Ирака» (2003 г.) и операция «Прочная свобода» в Афганистане совместно с Международными силами содействия безопасности (2003). Шмитт разделяет участвовавших в конфликтах партнеров по коалиции на четыре типа: крупные государства с высокой степенью полезности, крупные государства с низкой степенью полезности, малые государства с высокой степенью полезности и малые государства с низкой степенью полезности. В зависимости от задания малые государства могут иметь или высокую, или низкую степень полезности. Австралия поддерживает США уже более столетия, однако Шмитт считает, что иногда ее вклад в определенные операции довольно ограниченный.

Вклад других государств ограничивается не более чем политической поддержкой. В войне в Персидском заливе в 1991 г. Сирия продемонстрировала невысокую степень военной полезности. Ее политическая поддержка, однако, оказалась огромной: она не позволила президенту Ирака Саддаму Хусейну представить себя в качестве жертвы западного империализма и помогла ограничить количество террористических нападений на коалицию. Стало очевидным, что

привлечение к военной кампании не-членов НАТО может иметь непосредственный положительный эффект для самой НАТО. «Помимо установления четких критериев для участия не-членов НАТО в операциях альянса, - пишет Шмитт, - оно может даже освободить некоторые страны НАТО от участия» в операции, если внутренняя политическая ситуация в стране неблагоприятная для такого участия.

Тем не менее, в проведенном Шмиттом анализе содержится вывод о том, что при создании коалиции следует избавиться от принципа «чем больше, тем лучше». Некоторые дополнительные партнеры могут просто мешать, если их возможности имеют малую степень полезности для проводимой военной кампании. Легитимность операции должна быть доказана самой операцией, а не большим количеством участвующих в ней стран. Что касается стран, чье участие может просто мешать достижению целей коалиции, то их надо вежливо попросить внести свой вклад в какой-то невоенной сфере. Например, как это сделала Япония при проведении коалиционной операции в Ираке.

Так что – да, у больших батальонов все еще может быть численное преимущество, но при этом имеет значение, из каких подразделений эти батальоны состоят. Для того, чтобы участие младшего партнера по коалиции принесло пользу, он должен привнести какие-то уникальные возможности, которым он славится (например, полицейские отряды Венгрии для борьбы с беспорядками) или он должен определить, каким образом его участие поможет коалиции в успешном выполнении операции.

К счастью, у потенциальных младших партнеров теперь под рукой есть пособие «Полезные союзники», которое поможет им измерять степень полезности их участия в коалиционной кампании как для самих себя, так и для коалиции. Изучение конкретных случаев показывает, что простое попадание в список партнеров еще не означает, что страна сможет внести какой-то военный вклад, если только она не обладает какими-то уникальными возможностями. Установление этих возможностей и будет определять пользу от привлечения младшего партнера в коалицию. Целесообразность участия младшего партнера определяется не тем, что оно логически обосновано, и не тем, что оно будет краткосрочным. Она определяется именно степенью соответствия партнера общей стратегической цели военной кампании.

Более крупные участники коалиции должны научиться ценить целевое участие младших партнеров и никогда не отзываться пренебрежительно об их вкладе. Каждая страна считает, что она может выполнить какую-то конкретную задачу лучше, чем любая другая страна. Очень важно дать младшему партнеру возможность осуществить руководство в тех вопросах, в которых у него есть опыт и навыки. Книга Шмитта служит базовым учебником, объясняющим, как это сделать грамотно и эффективно. □

Стационарные курсы

Democratia per fidem et concordiam
Демократия через доверие и дружбу

Отдел регистрации

George C. Marshall European Center for
Security Studies
Gernackerstrasse 2
82467 Garmisch-Partenkirchen
Germany
Телефон: +49-8821-750-2327/2229/2568
Факс: +49-8821-750-2650

<https://www.marshallcenter.org>
registrar@marshallcenter.org

Порядок регистрации

Европейский центр исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла не принимает заявлений напрямую. Заявления на все курсы должны поступать через соответствующее министерство и посольства США или ФРГ в стране проживания кандидата. Тем не менее, отдел регистрации слушателей готов помочь кандидатам инициировать процесс. Запрос можно направить по электронному адресу: registrar@marshallcenter.org

Обновленное расписание курсов выставлено на вебсайте Центра им. Маршалла

ПРОГРАММА ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ПАСС)

Основной курс очного обучения Центра им. Маршалла охватывает такие сферы, как политика безопасности, вопросы обороны, международные отношения, включая международное право и борьбу с терроризмом. Основной темой, рассматриваемой на протяжении всей программы, является необходимость международного, межведомственного и междисциплинарного сотрудничества.

ПРОГРАММА «БОРЬБА С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ» (БТОП)

В центре внимания этой программы очного обучения находятся угрозы национальной безопасности, исходящие от контрабандных операций и других преступлений. Курс рассчитан на правительственных и государственных чиновников и практических работников, которые занимаются разработкой политики, правоохранительной и разведывательной деятельностью, а также операциями перехвата.

ПРОГРАММА «ТЕРРОРИЗМ И ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ» (ПТВБ)

Эта программа рассчитана на государственных служащих и офицеров вооруженных сил, которые в настоящее время работают на среднем и высшем уровнях управления организаций по борьбе с терроризмом, и она содержит сведения о характере и масштабах современной террористической угрозы. Программа повысит способность слушателей бороться с последствиями терроризма на региональном уровне за счет предоставления основных знаний, которые позволят служащим органов национальной безопасности сотрудничать на международном уровне в деле борьбы с террористической угрозой.

СЕМИНАР ДЛЯ ВЫСШЕГО РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА (СВРС)

Это интенсивная программа, посвященная новым ключевым глобальным тенденциям, которые могут привести к появлению новых точек зрения, концепций и совместных обсуждений, а также возможных решений. Программа предназначена для высшего офицерского состава, дипломатов высокого ранга, послов, министров, заместителей министров и парламентариев. СВРС состоит из официальных презентаций, проводимых высшими должностными лицами и признанными специалистами, с последующим всесторонним обсуждением в семинарских группах.

ПРОГРАММА ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ (ПВКБ)

Курс посвящен тому, как решать проблемы киберпространства в соответствии с основополагающими ценностями демократического общества. Это нетехническая программа, которая помогает участникам понять характер и масштабы современных угроз.

СЕМИНАР ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (СРБ)

Цель семинара – систематический анализ характера отдельных кризисов, влияния региональных субъектов, а также воздействия международных мер помощи.

Испытательный запуск межконтинентальной баллистической ракеты «Минитмен-3» без боеголовки с базы ВВС Ванденберг в Калифорнии. 2020 г. ВВС США

В следующем выпуске журнала «per Concordiam»:

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СДЕРЖИВАНИЕ И РАСТУЩАЯ ЯДЕРНАЯ УГРОЗА

ПРОГРАММЫ ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ

Кристофер Бурелли

Директор программ для выпускников

тел +49-(0)8821-750-2706

christopher.burelli@marshallcenter.org

Языки: английский, словацкий, итальянский, немецкий

Специалисты по связям с выпускниками

Дру Бек

Западные Балканы, франкоговорящая Африка

Языки: английский, французский

тел + 49-(0)8821-750-2291
ryan.beck@marshallcenter.org

Йохен Рихтер

Западная Европа

Языки: немецкий, английский

тел + 49-(0)8821-750-2814
jochen.richter@marshallcenter.org

Марк Джонсон

Восточная Европа, Кавказ, Центральная Азия; Специалист по кибервопросам

Языки: английский, русский, французский

тел + 49-(0)8821-750-2014
marc.johnson@marshallcenter.org

Фрэнк Льюис

«Вышеградская четверка», Прибалтика, Ближний Восток, Южная и Восточная Азия; специалист по противодействию терроризму

Языки: английский, немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2112
frank.lewis@marshallcenter.org

Донна Джанка

Северная и Южная Америка, англоговорящая Африка, Восточные Балканы, Монголия; специалист по борьбе с транснациональной организованной преступностью (БОП)

Языки: английский, немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2689
nadonya.janca@marshallcenter.org

mcalumni@marshallcenter.org

ПОДАТЬ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Отправляйте статьи и отзывы в Центр им. Маршалла по адресу: editor@perconcordiam.org

ПОДПИСАТЬСЯ

Если Вы хотите подписаться на **БЕСПЛАТНУЮ** доставку журнала «per Concordiam», пожалуйста, свяжитесь с нами по электронной почте editor@perconcordiam.org

НАЙТИ НАС

Вы можете найти «per Concordiam» в интернете по адресу:

Центр им. Маршалла: <https://www.marshallcenter.org>

Фейсбук: <https://www.facebook.com/PerConcordiam>

Твиттер: https://www.twitter.com/per_concordiam

GlobalNET портала: <https://members.marshallcenter.org>

Цифровая версия: <https://perconcordiam.com>

Европейский центр исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла в Гармиш-Партенкирхене, Германия.

ФОТОГРАФИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНА ЦЕНТРОМ ИМ. МАРШАЛЛА